

Наталья Бессонова

бестселлер

Спасенные Беглянки

**Детективные приключения
партийной активистки**

18+

Детективные приключения партийной активистки

Наталья Бессонова
Спасение беглянки

«Издательство «Союз писателей»

2019

УДК 82-31
ББК 84(2Рос=Рус)

Бессонова Н. В.

Спасение беглянки / Н. В. Бессонова — «Издательство «Союз писателей», 2019 — (Детективные приключения партийной активистки)

ISBN 978-5-00143-152-7

Романтическая сказка или жестокая быль? Добро пожаловать в Турцию – Мекку для туристов. Пока одни находят на ласковом средиземноморском побережье удовольствия, развлечения и отдых по системе «Всё включено», другие попадают в преисподнюю, где балом правит порок. Саша ехала в Стамбул, мечтая о любви, но встретила унижения, оскорбления, насилие. Пройдя сквозь все круги ада, она вырвалась на волю. Но испытания не закончились, ведь по её следам, словно голодные ищейки, идут бывшие хозяева. Спасти беглянку отправляются полковник московской милиции Юрий и его подруга Надежда. Отпуск, обещавший миллион радостей, превращается для пары в остросюжетные приключения с разгадыванием головоломок, погонями, преследованиями и предательствами.

УДК 82-31
ББК 84(2Рос=Рус)

ISBN 978-5-00143-152-7

© Бессонова Н. В., 2019
© «Издательство «Союз писателей», 2019

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	33
Глава 3	56
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Наталья Владимировна Бессонова

Спасение беглянки

© Бессонова Н., текст, 2019

© Издательство «Союз писателей», оформление, 2019

© ИП Суховейко Д. А., издание, 2019

* * *

Жаркое турецкое солнце клонилось к горизонту. По оживлённому шоссе, что ведёт от Измира к побережью Эгейского моря, тяжело катился массивный чёрный джип, зловеще поблёскивая тонированными стёклами. Сидящий за рулём черноволосый мужчина, на вид лет пятидесяти, в мятой футболке грязно-синего цвета выглядел уставшим. Из-за высокого роста он почти касался затылком потолка салона. Его сосед был намного моложе и гораздо более ухоженным: рубашка поражала свежестью и выглядела так, словно только из-под утюга, а к русым волосам, остриженным под «ёжик», как будто ещё минуту назад прикасались ладони парикмахера, едва смазанные гелем.

Парень источал аромат хорошего парфюма...

– **Feribotta mi**¹? – обратился он к водителю.

– **Karayolunda biz gideceğiz**², – ответил тот, – **feribotta bir sürü insan olacak**³.

Сосед молча кивнул.

На заднем сиденье авто полулежали две молодые особы, уставшие и голодные. Несчастные были прикованы друг к другу наручниками, а запястье одной из них – к дверце машины. Девушек везли уже несколько часов в неизвестном для них направлении. Из окна автомобиля, с правой стороны, они могли видеть причал и паром, на борт которого заезжал и выстраивался ровными рядами автотранспорт различного назначения. Небо казалось удивительно синим – даже сквозь тонированные стёкла, а морская гладь с лёгкой пенистой рябью весело искрилась на солнце. Совсем низко над берегом кружились крикливые чайки.

– Нин, не тяни руку... больно, – тихо попросила Александра.

– И мне, – простонала Нина.

Мужчина, тот, что помоложе, оглянулся, и обе примолки, как по команде.

Саша смотрела на удаляющихся белокрылых птиц с безысходной тоской и завистью...

¹ На паром (тур.)

² Мы поедем по шоссе (тур.)

³ На пароме будет много людей. (тур.)

Глава 1

Они вылетали в Москву утренним рейсом: Юрия Петровича Михальцова, полковника милиции, ждали на службе, а Надежда спешила в столицу по своим партийным делам.

– Ну, давайте присядем перед дорожкой, – предложила сонная Лапочка-дочка и опустилась на банкетку в прихожей, кутаясь в халат.

– Присядем, – согласился Юрий, оседлав чемодан, – обычаев нарушать нельзя!

Надежда пристроилась рядом с дочерью.

– А где наша красавица? – спросила она.

– Да вон, в кресле лежит, – ответила Алёнка, – не выпалась она...

– Кисонька моя, иди сюда, – позвала хозяйка, но Прелестница-кошка грациозно спрыгнула с места, взмахнула пушистым хвостом, окинула собравшихся выразительным надменным взглядом голубых глаз и удалилась. Чемоданы в прихожей и церемония проводов, видимо, ассоциировались в её сознании с предстоящим отсутствием кого-то из любимых хозяек и особого восторга не вызывали.

– А наша прелестница так всегда, – засмеялась Лапочка-дочка, – думает, что, если она не выйдет провожать, то никто и не уедет!

– Логично! – оценил полковник. – Какой умный у вас зверь!

– Ну, в добрый час! С Богом! – сказала Надежда, поднимаясь с банкетки.

– Счастливого вам пути! Мама, а ты послезавтра утром возвращаешься? – уточнила Алёнка.

– Утром, – подтвердила Надежда, целуя дочку в румяную щёчку, – пока, ребёнок! Хорошо себя веди. Кошку кормить не забывай!

– Мама, ну ты всегда одно и то же говоришь! Не забуду! – возмутилась Алёнка. – Что, я – маленькая?

– Ребёнок, маму надо слушаться! – назидательно произнёс полковник, обняв Надежду, а в глазах его блеснули смешливые искорки.

– Её попробуй не послушайся, – улыбнулась Лапочка-дочка.

...За чашкой кофе в терминале аэропорта Юрий и Надежда вели тихую беседу.

– Надюша, а когда ты окончательно ко мне в Москву переберёшься? – спросил он. – Да и... узаконить отношения уже не помешало бы.

– Юра, знаешь, ведь... мне нужно закончить дела, – уклончиво ответила она. – Окончательно – не раньше, чем через... полгода... может быть – годик. Ты же понимаешь...

– Миленькая, а ты ничего не забыла? – спросил он с укором. – Дела...

– Что?.. Вот... «Русский центр» проводит празднование Троицы... «Зелёные святки»... Надо поприсутствовать. Потом – защита диссертации, а там ещё так много работы! Ну, и партийные... тоже...

– А ты вообще замуж за меня когда собираешься? – в его взгляде читались сомнение и тихая грусть... и что-то ещё, чего Надежда пока не могла определить.

– Юра, ну... разве ты не хочешь, чтобы я стала кандидатом наук?

– Я хочу, чтобы ты стала моей женой! Всё остальное для меня не имеет значения.

– Но для меня-то это важно! А женой твоей я стану...

– Когда?

– Когда позовёшь!

– Так позвал уже, – напомнил он. – Ладно?

– Значит, выйду. Я же согласилась!

– Как это ты говоришь: «Ну, не знаю, не знаю...»

– А кто сказал, что если любишь, то надо доверять? – спросила Надя.

– Кто-то очень мудрый, – как-то отстранённо ответил он.

– Но ведь мы же с ним согласны? Ладно? – примирительно произнесла Надежда, употребив его обычное вопросительное «ладно?» там, где его быть не должно, и сама этому удивилась.

– Ладно, – улыбнулся он и посмотрел на неё совсем как прежде – с нежностью, – но жизненные ситуации... разные бывают. Посмотрим!

– Ну, значит... «посмотрим», – подвела итог она в том же тоне, – тем более что ситуации «разные бывают».

За всё время полёта они не вернулись к этой теме. Недосказанность и неопределённость давили и создавали напряжение.

В аэропорту Юрия ждала машина с водителем. Надежду подвезли до станции метро «Электrozаводская» – до штаба, где предстояло сдавать подписные листы. Простились более чем сухо. Да и какие нежности могут быть при водителе?

«Ну вот, – подумала Надя, – я всё испортила! И что теперь делать?»

* * *

Джип остановился около придорожного кафе. Мужчина, что помоложе, с причёской «ёжик», погрозив девушкам пальцем, улыбнулся и вышел из машины.

– Разулыбался, смотри-ка! – заметила Саша. – Как вполне нормальный мужик. Сволочь!

– Слушай, как тебя, верзила, отстегни, а? – обратилась Нина к водителю, на ходу давая ему прозвище. – Рука затекла, сейчас отвалится! И мозоли уже от наручников... кровавые.

– Я «гаспадын»! – спокойно сказал он.

– Господин! Смотри-ка! Умора! – устало усмехнулась Александра. – Верзила и есть... Правда, отстегни хотя бы. Сил больше нет, – поддержала она подругу по несчастью, потянув в его сторону скованную стальным браслетом руку.

– Ай, Сашка! – Лицо Нины сморщилось от боли.

– Ой, извини! Мне и самой больно...

Водитель лишь непонимающе вертел головой.

– Ну, пожалуйста... господин, – со слезами на глазах взмолилась Нина.

«Господин» повернулся, окинул девушек сердитым взглядом.

– Ладно, молчим мы, молчим, – пробормотала она, испуганно втягивая голову в плечи, как будто опасалась удара.

– Да что мы просим его!?! Бесполезно! Как будто не знаешь этих... «господ»! Отвлекись лучше, подумай о чём-нибудь хорошем, – отчаявшись, посоветовала Александра. – Может быть, он нас вообще не понимает.

«Ёжик» вернулся с двумя бутылками воды, одну из которых протянул водителю, другую бросил на колени Саше. Путь продолжался.

Александра попыталась отвлечься от всего этого кошмара, подумать о чём-нибудь приятном, хотя... что хорошего может прийти в голову в такой ситуации?

...Вспомнилось, как три года назад прилетела в Стамбул на каникулы – счастливая, наивная, полная надежд. В аэропорту девушку встретил Дениз – парень, с которым она случайно познакомилась через Интернет и несколько месяцев переписывалась. Как вышло, что за какие-то полгода заочного знакомства он стал для неё главным человеком – и сама не понимала. А тогда – жила в ожидании электронных писем и смс-сообщений. Для общения были задействованы и более современные средства связи: подружка, которая в этих вещах хорошо разбиралась, снабдила Сашин компьютер, купленный «в рассрочку» у одного из старшекурсников, всеми необходимыми программами. На фото Дениз выглядел красавцем, а «живая картинка» во время сеансов связи через сеть позволяла увидеть его взгляд, мимику, манеру держаться, и

всё это казалось девушке безукоризненным. Молодой турок неплохо владел русским языком, обладал весёлым нравом и чувством юмора. О себе говорил мало, что создавало вокруг его облика ореол загадочности. Однажды, к слову, парень обмолвился, что почти каждая турчанка владеет искусством восточного танца.

– Это красит любую женщину, – заметил он.

«А я чем хуже?» – подумала Александра и два месяца занималась «танцем живота» в ближайшем дворце культуры.

Сдав летнюю сессию, приняла приглашение молодого человека приехать к нему «недельки на две».

Девушка очень удивилась, когда ей поступил неожиданный звонок с незнакомого номера и мужской голос произнёс:

– Здравствуй, Александра! Это Вадим, друг Дениза. Он попросил меня помочь вам с билетом...

Теперь Саша ругала себя за легковерие, а тогда – буквально летала от радости. Однокурсницы и подружки по общежитию с ума сходили от зависти: такой жених... Правда, сама она женихом его вовсе не считала, несмотря на уверения Дениза в любви «с первого взгляда и слова». Хотя... он ей очень нравился.

И впечатлённая девушка отправилась в гости – на две недели, как она предполагала.

Увидев встречавшего её красавца, Саша окончательно потеряла рассудок. Высокий, галантный, с ослепительной улыбкой – даже лучше, чем на фотографиях! Слово принц из сказки!

«Дениз» значит «море», – говорил он. Как она узнала позже, характер восточного «принца» и в самом деле был похож на море: настроение его менялось так же стихийно и стремительно.

Парень снял для госты небольшой номер в уютном отеле, показывал достопримечательности Стамбула, два дня водил по ресторанам. Был вежливым, внимательным. Не настаивал на близости. Когда это всё-таки произошло – после бурных признаний, жарких поцелуев и уверений в серьёзности намерений – Дениз, казалось, очень смутился, поняв, что стал её первым мужчиной.

Неожиданно, сославшись на материальные затруднения, предложил переехать в другой отель – попроще. Александра ничего не заподозрила. Но когда она выразила естественное для невесты желание познакомиться с его родителями, то получила звонкую пощёчину.

– Я не выношу женских упрёков! – заявил он ослобневшей от неожиданности и обиды девушке, хотя Саша и не собиралась его упрекать. – Не надо быть настойчивой!

Её слёзы на парня не подействовали. Она поняла, что лишних вопросов «жениху» задавать не стоит, и начала подумывать о возвращении домой. Однако Дениз и теперь не перестал ей нравиться. Девушка пыталась оправдать поведение любимого, себя же корила за незнание восточных традиций и проявленное нетерпение. «Турецкие мужчины очень темпераментны, – рассуждала она. – Надо быть внимательной, и его раздражительность пройдёт».

Александра прилагала немалые усилия, чтобы быть для Дениза интересной и привлекательной: старалась удивить восточными танцами, которые успела разучить, читала стихи, пела русские песни. Только это не помогало.

«Как же так? – недоумевала девушка. – Чуть больше недели прошло, а он так изменился! Ведь говорил, что любит меня... Когда я уеду, он будет скучать и всё поймёт... Всё ещё обрзается, – тешила она себя надеждой. – Любовь проверяется на расстоянии...»

Но о любви Дениз больше не вспоминал. После второй пощёчины – по совсем незначительному поводу – Саша выразила желание вернуться в Россию.

– Денег на билет нет, – сухо ответил парень.

О женитьбе он уже не заикался, да и галантность его куда-то подевалась. Теперь кавалер водил Сашу в дешёвые забегаловки с пластиковыми стульями и столами сомнительной чистоты, был постоянно раздражён и чем-то озабочен.

Александра очень удивилась, когда однажды вечером они оказались в ресторане, где звучала восточная музыка, на столах красовались белоснежные салфетки, заправленные в фарфоровые вазочки, скатерти цвета весенней травы были изящно задрапированы, официанты – вышколены. В глубине зала, на ярко освещённом подиуме, шло представление: странное смешение танцевальных традиций, когда чарующий и соблазнительный восточный танец, хранящий загадочные тайны и лишь вскользь намекающий на них, заканчивался беззастенчивым сбрасыванием одежды. Саша никогда раньше не бывала в подобных заведениях и чувствовала себя немного неловко.

– Дениз, у тебя появились деньги? Теперь ты отправишь меня домой? – спросила она, не зная ещё, радоваться ей или огорчаться. Всё-таки расставаться с молодым человеком, не выяснив до конца отношений, ей не хотелось.

– А-а, – неопределённо ответил парень, – всё будет... как надо. Паспорт дай!

– Зачем? – не поняла девушка.

– А... билет покупать! Дай паспорт! – продолжил настаивать он.

– Прямо сейчас? – удивилась она, но не стала возражать и отдала документ.

Дениз, ничего не объяснив, встал и вышел из зала, бросив Сашу одну среди незнакомой публики. Вернувшись, зачем-то прихватил с собой её сумочку с телефоном и мелочью.

– Момент, – только и сказал он.

Александра решила, что кавалер оставил её ненадолго и вот-вот вернётся. Ждала Дениза, беспокойно озираясь по сторонам. Вдруг подошли два охранника, приветливо поздоровались и, крепко взяв девушку под руки, куда-то повели. От неожиданности Саша лишилась дара речи. Ноги заплетались, но мужчины тащили её за собой тем упорнее, чем сильнее она пыталась сопротивляться.

В кабинете за массивным столом сидел полный черноволосый тип лет пятидесяти, с блестящей круглой лысиной, в белоснежной рубашке и галстук.

– Здравствуй, – маслено улыбаясь, сказал он и махнул рукой людям, которые привели Сашу. Те вышли, оставив растерянную и испуганную девушку наедине с хозяином кабинета.

– Тыперь будышь здэс работать, – радостно сообщил тот, продолжая улыбаться.

– Что? Как... ра... ботать? Зач... чем? – язык плохо слушался, а рассудок отказывался воспринимать происходящее.

– Что, как-как? Работать будышь! Как всэ работаит!

– А... вы кто? – Александра не знала, о чём спрашивать и что думать.

– Я – Мыхмед. Это моё завидэные, здэс танцуют дэвушка, прыятно проводят врэмь. С клыент. Танцами. И другими потом, – Мехмед помахал руками, и это отдалённо напоминало движения женских рук в восточном танце.

– Но... с какой стати? Зачем мне это? Я в университете учусь...

– А-а... унывырсытэт харашо! Я тожи... Патрыс Лумумба... да-а... Давно...

– Правда? В Москве? – удивилась Саша.

– Ну, а гдэ... Садысь! – мужчина радушно пригласил девушку присесть на диван. – Как это у русский... э-э... «ноги правда... ны бываит»? – он засмеялся, довольный своим знанием русского фольклора.

– В ногах правды нет, – поправила Александра.

– Да-а! Я Россия был! Совэтский Союз! – с гордостью заявил хозяин кабинета.

– Я с парнем сюда пришла, с... женихом, он уже ждёт меня, наверное, – попыталась объяснить девушка, постепенно справляясь с испугом.

– Э-э-э, – протянул Мехмед, – парынь твой уже дома. У мами. У папи. Он за тыбя дэнги брал. Я дэнги дал. Тыперь будышь на мыня работать. Танцы умэишь? – спросил он. Саша не ответила, недоумённо глядя на турка.

– Умэ-эишь! – ответил за неё Мехмед. – Дэныз ны обманыт! Хороший цена за тыбя выпросыл! Да-а? Дошиво ны отдал тыбя! Хытрэ-эц! – он засмеялся и кому-то погрозил пальцем – наверное, Дэнизу. – И здэс научат, чтобы харашо получался... Таныц чтобы харашо. Да?.. Красы-ыво чтобы...

– Что? – всё ещё не понимала Александра, – он деньги взял? Про какие деньги вы здесь говорите? Я же его невеста! Он же...

– За тыбя, за тыбя дэнги, – Мехмед начал нервничать, – ны понымаишь? Какой дэвушька! Глупий! Да? Ны понымаит! А-а?.. У ныво ыще есть другой такой... нывеста! Да-а? – Турок противно засмеялся. – Много ыще. Да?

– Разве так можно? – недоумённо воскликнула Александра, отказываясь верить в происходящее.

– А-а-а! Можньо! Всо можньо, – отмахнулся Мехмед, – Садысь, ны стой. Кушять хочешь?

– Нет, я уже поужинала... с Денизом, – ответила она. – А, кажется, я поняла! Это шутка такая, да? – девушка попыталась улыбнуться. – Дениз меня разыграл так, да? Злая шутка получилась! Не смешная...

– Нэ-э-эт, – развеселился турок, – поговорым сычас, садысь. Кушяй вот, – он поднялся, поставил вазу с фруктами на столик перед диваном, на краешек которого несмело присела Александра.

Крупная клубника заманчиво краснела. Саша взяла ароматную ягодку, задумчиво надкусила, но вкуса не почувствовала: не до того ей было.

– Ты ны думай, здэс харашо, – принялся убеждать Мехмед, – дэвушька ны хотят уезжат. Клыент у нас всэ высоко... этот... поставлын. Постоянный. Благородний луди. Кто попало нэт. Работать будышь. Дэнги будышь получают. Потом. Сначала – долг будышь работать! Бакшиш будышь имэть. Этот... чаивие... Потом – украшения будышь купить, платья красывый. Хаммам будышь ходыт. Харашо! Всо будышь! Толко правилна надо дэлат! Послушна надо чтобы...

– А Дениз когда за мной придёт? – продолжала настаивать на своём Саша.

– Э-э-э... Опять! А? Дэныз ны прыдёт! Тыбя Алыксандра зовут?

– Александра.

– Я – Мыхмед, – снова представился он, – давай говорыт опять. Контракт надо дэлать.

– Контракт? – уточнила Александра, до которой начал доходить смысл этой сделки.

– Ты работать будышь, надо контракт. Положино так, – терпеливо объяснял Мехмед, разводя руками. – Правыла такой. Да?

– Я не понимаю ничего – ни про работу, ни про контракт, ни про Дениза...

– Э-э-э... ны понымаишь... Тогда потом говорым. Завтра будышь понымат, – турок постучал в стену, тут же явились охранники и снова крепко взяли Александру под руки.

– Нет! Отпустите меня! Я не хочу! – закричала та, безуспешно пытаясь вырваться. До Саши, наконец, дошло, что с ней не шутят.

Когда железная хватка усилилась, она закричала, не в состоянии пошевелиться, и ослабила сопротивление, поняв, что оно бесполезно.

– Э-э, – с видимым разочарованием вымолвил Мехмед, – какой...

– Отпустите меня! – потребовала Александра, но мужчины молча протащили её по лестнице на верхний этаж, открыли ключом одну из многих дверей, завели в комнатку, напоминающую номер в гостинице. Навстречу вышла стройная брюнетка, расчёсывая свою роскошную гриву. Саша удивилась тому, что дверь была заперта снаружи. «Девушек держат под замком!» – с ужасом подумала она.

– Юлька, к тебе вот... Пока здэс. Поговоры тут, научи, да? Мэхмэд приказал, – дал указание Юльке один из стражников-проводящих.

– Это можно, – спокойно ответила незнакомка, собирая волосы в узел на затылке, – поговорю.

Александра замерла в растерянности, слёзы катились по её щекам. Юлька взяла Сашу за плечи, усадила на миниатюрный диванчик.

– Ну, чего ты? А?.. Откуда к нам? – спросила она.

– Ниоткуда... Из Москвы, в общем-то, – всхлипывая, ответила Александра, – а так – из Саратова... я с парнем... в ресторан пришла, – сбивчиво принялась объяснять она, – с Денизом. Как бы... с женихом. А он потом делся куда-то. А этот... как его... Мехмед сказал, что деньги ему за меня заплатил.

– А-а! Ну, ясно! – понимающе усмехнулась Юлька. – Видали мы таких «женихов»! Обычная история...

– Обычная? – не поняла Саша.

– Первый раз с тобой такое?

– Какое?

– Продали тебя первый раз?

– Продали? – как во сне, произнесла страшное слово Александра.

– Ну да! А что ты думала? Что ты как... идиотка? «Какое, какое»! Такое вот! Мозги отшибло, что ли?

– Отшибло, – как попугай, повторила Саша.

– Как с ним познакомилась-то?

– С кем?

– С «как бы женихом».

– Через интернет, – вяло ответила девушка.

– А-а! Новые технологии – в действии, – невесело улыбнулась Юлька.

– Как отсюда выйти? – спросила Александра.

– Ты что? – удивилась Юлька и покрутила пальцем у виска. – Ты дура? Не понимаешь? Нельзя отсюда выйти! Купили тебя! Теперь ты – собственность Мехмеда! Стриптиз будешь отплясывать. Раздеваться перед мужиками! Поняла?

Александра пребывала в каком-то оцепенении, ещё не до конца сознавая, что с ней происходит.

– Водички хочешь? – участливо спросила Юлька.

– Нет, – покачала головой Саша, однако взяла дрожащими пальцами протянутый ей прозрачный стакан с минералкой и выпила залпом. Бросив опустошённый сосуд на пол, рванулась к двери, застучала кулачками так, что косточки заболели.

– Эй! Откройте! Кто-нибудь! – закричала она.

– Во даёт! – возмутилась Юлька, подбирая осколки. – Швыряется тут! А убирать за тобой кто будет? Принесла нелёгкая соседку...

Открылась дверь, на пороге появился один из охранников.

– Чьво шумышь? – спокойно спросил он, грубо отстраняя Сашу от двери и увлекая её подальше в номер. – Что, ны нравытся?

– Я хочу уйти, – заявила Александра. – Не буду здесь. Мне... домой надо ехать. Меня мама ждёт!

– Э-э! Э! – возмущённо воскликнул охранник, удерживая вырывающуюся пленницу.

Скоро терпение его закончилось. Наградив девушку оплеухой и толкнув её на диван, он двинулся к выходу.

– Чтобы тыхо тут! – приказал мужчина, покидая номер. Скрипнул дверной замок, послышались удаляющиеся шаги.

Саша закрыла лицо ладонями и закричала, как загнанный в угол зверь – иступлённо и страшно.

– Ну, чего ты, как ненормальная? – испуганно спросила Юлька. – Чего? – повторяла снова и снова, как будто сама не понимала – «чего»...

Девушка отошла от Александры в противоположный угол небольшой комнатки, словно боялась оглохнуть от воплей новой подруги по несчастью. Потом осторожно приблизилась, присела рядом, поправила её растрепавшиеся волосы.

– Ты не реви, – принялась успокаивать Александру хозяйка комнаты, когда крики её сменились тихими всхлипываниями, – тут ещё ничего. Танцевать будешь. Да не реви ты! Тебя как зовут хоть?

– Саш-ша, – прошептала Александра, по-прежнему всхлипывая.

– Ну вот, Сашка. Правда, тебе здесь другое имя дадут...

– Зач-чем мне... другое?

– Такой порядок. Мы тут уже сами не помним, какое у кого имя настоящее, а какое – придуманное...

– Бред какой-то....

– Танцевать-то умеешь?

– Нем-много. Только я... не хочу. Я домой хо-очу!

– Это теперь навряд ли! Ну, ничего, везде можно жить! Не реви!

– Ага, «не реви», – опять всхлипнула Александра. Теперь она догадывалась, для чего Дениз завёл с ней разговор о восточных танцах. А потом, видимо, долго с Мехмедом о цене не мог договориться, поэтому и злился.

– С тобой Эльза сначала порепетирует, посмотрит, на что способна... проинструктирует. Тут же ничего сложного нет: танцуй себе да раздевайся потихоньку.

– Ужас какой!

– Привыкнешь, – усмехнулась Юлька. – У тебя теперь выхода нет, подруга...

...Боль в запястье прервала поток воспоминаний. Саша вскрикнула. Браслет наручников врезался в содранную мозоль. Это соседка попыталась левой рукой, прикованной к запястью Александры, поправить волосы.

– Нинка, ну что тебе не сидится?

– Убери мне волосы с лица, – попросила та, и Саша аккуратно поправила её непослушную волнистую прядь.

– Всё равно сейчас упадёт. Приколоть бы...

– Там «невидимки»... сзади. Вытащи и сделай как надо...

«Ёжик» оглянулся, но ничего не сказал. Саша под сердитым взглядом надсмотрщика выполнила просьбу Нины.

Снаружи, сквозь тонированные стёкла, никто не мог видеть пленниц – помощи не попросишь. А если и попросишь, то вряд ли дождёшься сочувствия. Это они обе знали по собственному горькому опыту. Никому здесь нет дела до слёз и страданий иностранок без денег и документов. Да ещё – до нелегалок сомнительной профессии.

Мысли путались. Так хотелось в небо, к птицам, или...

Вдруг пришла идея, что неплохо бы выждать момент и устроить небольшую аварию. Наброситься сзади на водителя, схватиться за руль свободной рукой, и-и-и!.. А потом – как Бог даст. В суматохе можно убежать и затеряться среди людей. В худшем случае – умереть. Но разве Александра боится смерти после всего, что с ней случилось?

Девушка смотрела сквозь стёкла – на пролетающие мимо автомобили, на откосы, куда может вынести неуправляемый джип...

«Придётся же столкнуться с кем-то... Разве другие люди виноваты? – подумала она, прогоняя шальную мысль, но та не уходила. – Надо дождаться, когда автомобиль займёт крайнюю полосу, резко рвануться вперёд и повернуть руль вправо. Но сначала наручники нужно как-то отстегнуть. А может быть, от удара – сами отцепятся... Или так не бывает?»

– Нина, послушай, – прошептала она.

– Что? – отозвалась девушка, поворачивая к соседке усталое лицо.

– А давай мы аварию устроим?

– Сдурела? Мне ещё умирать неохота!

– Да... тише!

– Ну?

– Вот посмотри, вокруг сейчас пустое место.

– Оно через пять минут не будет уже пустым.

– Здесь ландшафт постоянно меняется... Мы выждем и...

– А? – поинтересовался водитель. – Туалэт? А?

– Нет, не надо, – отказалась Саша, отрицательно покачав головой. – Наручники расстегни! До крови стерли...

Верзила на просьбу не отреагировал.

– Не понимает он по-нашему, – предположила Нина. – Только и знает, что «господын» да «туалэт»...

* * *

Надежда, выполнив весь план мероприятий, зашла на родную «Полтавку».

В кабинете Киры Николаевны – координатора по работе с региональными отделениями – уже собралось несколько друзей-соратников.

– Пойдёмте, чаю попьём, я торт принёс, – позвал всех Виктор Николаевич.

– Ой, они со своим тортом! Думаете, мы не найдём, чем вас угостить? – засмеялась Кира.

Все весело чаёвничали за большим столом в зале, где обычно проводились собрания актива. Шутили, рассказывали какие-то истории. В обществе друзей-единомышленников Надежда испытывала состояние особого душевного комфорта: когда знаешь, что тебя всегда услышат, и любые твои слова и действия будут поняты правильно, без лишних домыслов. Это был тот случай, когда никакая новая информация о людях не способна изменить их мнение и отношение друг к другу.

«А ведь скоро придётся «отставить» партийные дела, – подумала Надя. Посмотрела на собравшихся друзей-партийцев, безмятежно беседующих за чашкой чая, – и как же я буду без них? – ей вдруг стало грустно. – А как я буду без Юры, если ему надоест меня ждать?» – при этой мысли тоска подступила к сердцу.

Сегодня центром всеобщего внимания был Евгений – председатель Самарского отделения.

*Любви признанья мимолётны
И исчезают, словно дым.
Но дай Вам Бог в подлунном мире
Любимой быть хотя б одним...⁴*

...Время пролетело незаметно. Надежда заторопилась на вокзал, Виктор Николаевич вызвался проводить её до остановки.

⁴ Стихи Евгения Ларцева, любезно предоставленные автором для использования в данном произведении.

– Погода какая! – воскликнул он, – прямо на лирический лад настраивает! И не захочешь стихи писать, да напишешь! Какие молодцы наши ребята – произведения свои читают. А я вот... всегда стеснялся.

– Вы тоже пишете? – удивилась Надежда.

Виктор Николаевич относился к категории людей, авторитет которых для неё был так высок, что она не смела сказать им «ты», несмотря на самые тёплые дружеские чувства. К тому же он был существенно старше.

– Есть немного... Писал в студенческие годы, потом – реже, – ответил он. – А в общем – когда мне хорошо, то я пою и дурачусь, когда мне плохо – пишу стихи.

– Значит, Вам теперь в основном – хорошо? – засмеялась Надежда. – Почитайте, пожалуйста...

– Надюша, да я как-то их... пишу, но не читаю, – засмутился Виктор Николаевич. – Комплексовал всегда... а теперь поздно уже начинать...

– Ну и не начинайте, только одно мне прочтите... по секрету! – попросила Надя.

– По секрету? – переспросил собеседник и засмеялся.

– Ага! Одно!

– Ну, если только так, пожалуй...

*...Я в дружбу верю так же, как в любовь.
Она нужна, как воздух, как вода,
И пусть невзгоды, те, что хмурят бровь,
Развеет наша дружба навсегда...⁵*

Надя привыкла слышать от Виктора Николаевича рассуждения по серьёзным политическим вопросам. Его мнение всегда отличалось принципиальностью, причём он мог высказываться в самой непримиримой форме, не теряя дипломатичности, присущей истинно интеллигентному человеку. А теперь вот – стихи...

– Мне нравится, – совершенно искренне сказала Надежда, дослушав до конца. – И зачем стесняться? А у Вас много стихов?

– Надюша, да я как-то не стремился писать много. Когда душа просила – писал... а так, чтобы...

*Рифмоплётства искусством трудным
И, томимый тщеславием нудным,
Всем готов обо всём «попеть»,
Лишь бы славу... и деньги иметь?*

*С бумагой не расстанусь я и ручкой!
Я, полуграмотный и самоучка...⁶*

– Ну, нет, это не о Вас, – Надя засмеялась.

– Вот и пусть будет не обо мне, – ответил Виктор Николаевич, – как говорил забытый ныне вождь мирового пролетариата: «Лучше меньше, да лучше».

...Добиралась до вокзала, думая о Юрии и о том, как сухо они расстались. Душу терзала тревога. «Интересно, помнит ли он, когда я уезжаю? Надо ему позвонить, – решила Надежда. И тут же передумала. – Нет, первая звонить не буду...»

⁵ Стихи В.Н. Беркунова, любезно предоставленные автором для использования в данном произведении.

⁶ Стихи В.Н. Беркунова.

Полковник ворвался в купе, когда до отправления оставалось не более пяти минут, а строгая проводница объявила о том, что провожающие должны покинуть вагон. Надя уже и не надеялась, что он придёт. Радость вспыхнула в её сердце, заискрилась во взоре. Она прижалась к любимому, ощущая силу и нежность его рук, чувствуя его тепло, смотрела в его лучистые глаза... «Не сердитесь», – подумалось ей.

– Надюша, я буду тебя ждать. Очень буду ждать! Ладно?

– А я буду торопиться, – ответила она, сияя.

Он шёл за вагоном, пока поезд не набрал скорость...

Надя лежала на верхней полке и смотрела в окно на убегающие вдаль белоствольные берёзки. Душа её пела. «В таком настроении, наверное, поэты и пишут стихи... и не поэты – тоже, – предположила она. – Может быть, и мне попробовать? А что? Вдруг создам шедевр! – подумала женщина не без иронии. – Или уж не надо... Ну ладно. Дерзну!» – решила она.

Под стук колёс подбирала слова, придумывала рифмы, но, как ей казалось, получалось то неуклюже, то слишком пафосно. Наконец, в результате немалых усилий, родились первые строчки:

*Хочу я воды родниковой напитокъ,
Босою пройтить по росистой траве,
В берёзовой чаще густой заблудиться,
Дождём шелестеть по весенней листве...*

«Ух ты! Это уже даже похоже на стихи, – удивилась Надежда собственным способностям. – Ну-ка, что там дальше...»

*И радугой по небу густо разлиться,
Как радостью в чьей-то нелёгкой судьбе,
И утренней дымкой вдали раствориться...
...бе... бе... бе...*

«Не складывается, – вздохнула новоявленная поэтесса, – не получается что-то, – она упорно искала рифму, однако слова, подходящего по смыслу и заканчивающегося на слог «бе», в голову не приходило. – Ладно, потом придумаю», – и она продолжила первую в своей жизни попытку поэтического творчества.

*...Испариной вверх к облакам устремиться
И вновь возвратиться весёлым дождём,
Снежинкою лёгкою в вальсе кружиться
И таять весною под тёплым лучом...»⁷*

«Что-то не то! Как-то ни о чём... Чего-то во всём этом не хватает! – решила Надежда. – Хотя... ясно чего – таланта! – заключила она с усмешкой. – «Бе-бе-бе» да «бе-бе-бе»... Ну, что же, придётся признать, что поэтического дара среди моих многочисленных достоинств не наблюдается, и оставить это неблагоприятное занятие, – оценила женщина свои литературные способности, но не очень-то и расстроилась. – Не всем же поэтами быть, кто-то должен и нормальные человеческие дела делать... прозаические. Если бы вот так написать:

...Тот, кто видел хоть однажды

⁷ Неопубликованные строки автора данного романа (неудавшиеся попытки поэтического творчества)

*Этот край и эту гладь,
Тот почти берёзке каждой
Ножку рад поцеловать...⁸*

Но так умел только один человек на свете!» – подумала она.

В сердце Надежды затеплилось волнующее, искреннее чувство благодарности к любимому поэту за эти чудесные строки и за всё его творчество. Она смотрела в окно на хороводы берёзок, так любовно воспетые им, и под стук колёс, как обычно в дороге, мысленно читала его стихи.

* * *

Александра вспоминала, как жила в одном номере с Юлькой, ночуя на коротеньком раскладном диванчике. Потом ей выделили отдельный – такой же, как у новой знакомой – небольшой, но с зеркалами, с удобствами и с шифоньером, полным блестящих тряпок. Охранник, доставивший её в номер, наблюдал за тем, как новенькая осматривается.

– Нравятся? – спросил он.

– Ничего, – ответила девушка.

Кивнув, он вышел и запер за собой дверь на ключ, чему она уже не удивилась.

На туалетном столике в её новом жилище стояла шкатулка с бижутерией, аккуратным рядом выстроились баночки, тюбики и флаконы. На специальных подставках красовались парики из волос разной длины и цвета. Александра обратила внимание на то, что все флаконы были наполовину пустыми.

«Кто-то, значит, ими пользовался раньше, – заключила она. Открыла баночку с кремом – та была полна лишь на четверть, – кто-то здесь раньше жил».

Каждый день по утрам с девушками занималась Эльза проводила уроки танцев. Это была женщина на вид лет около сорока, с холёным лицом, резкая и нетерпимая, но отходчивая и совсем не злобная. Особое внимание уделяла новеньким. Она учила девчонок не только танцевальным движениям, но и «правильным» манерам общения с посетителями и с хозяевами, давала дельные советы по разным жизненным вопросам. Иногда Александре казалось, что Эльза сочувствует своим подопечным, их положению. Но порой наставница была откровенно жёсткой, даже грубой.

– Ну что ты, как будто оловянная! – кричала как-то раз наставница на Сашу. – Ну как можно тебя научить, ты же не гнёшься совсем! Как линейка, прямая! Или коряга засохшая! Чувственнее надо, чувственнее! Руками дорабатывай! И кокетливее, заманчивее! Ну? Глазками допевай! Соблазняй зрителя! Игриво смотри!.. А-а, корова неуклюжая!

– Я же стараюсь, – оправдывалась Александра, чуть не плача.

– Оно и видно! Гибкая, как палка! Где только делают таких! Сколько с тобой занимаюсь уже, и всё одно и то же! Пшла отсюда! – злилась Эльза.

– Плохо, да? А клиентам нравятся, – озадаченно произнёс подошедший Мехмед, – приватный танец просат много...

– А! Понимают они! Им бы только на голые сиськи смотреть... Надо же не просто... тряпки с себя сбрасывать! Это стрипти-из! Тоже иску-усство! А-а! – дама махнула рукой. – Кому я говорю! Набираете кого попало, а я – учи их!

– Эльза, ну где же я тебе эти... балырыны возму... Балшого тыатра...

– Ну, ты скажешь, Мехмед! – засмеялась Эльза. – Где уж нам... из Большого! Хоть бы после захудалого училища какого-нибудь! А эти – просто так! Сами где-то азов понахватата-

⁸ С.А. Есенин – «Мелколесье. Степь и дали...» (1925 г.)

ются... на каких-нибудь двухнедельных курсах... в сельском доме культуры... а то и вовсе ничего! Оголяться каждая дура может! Танцовщицы, блин... недоделанные...

Александрэ дали новое, как сказала Эльза, «сценическое» имя – Маша, и приказали представляться посетителям именно так. Да и в самом клубе её иначе теперь не называли. Постепенно Александра-Маша втянулась. Выступала вместе с другими девушками на подиуме, иногда ей заказывали приватные танцы. Денег сначала совсем не платили – как сказал Мехмед, надо было «работать долг». Но посетители давали щедрые чаевые. Девушкам разрешали покупать золотые украшения и одежду – торговец приезжал раз в месяц.

– Сашка-Машка, ты деньги в номере не оставляй! – учила подругу Юлия. – У нас тут иногда обыски устраивают. Могут забрать! Да и уборщица – тётка наглая, – предупредила она, увидев, как Саша прячет в складках костюма чаевые, подаренные щедрым посетителем.

– А как же быть?

– В лифчик прячь. Не в тот, что от костюма, а в свой. Выбери под цвет. И носи всегда. Изловчись уж как-нибудь, – проинструктировала девушка. – Я так подшиваю каждый раз... на живульку. В прачечную только танцевальные костюмы возят, наши вещи не берут. Или в номере щёлку какую-нибудь найди. А ещё можно маме отправить. Мехмеда попроси, он сделает. У тебя же есть мама?

– Есть. Спасибо, Юлька! – обрадовалась Александра.

И действительно, Мехмед с готовностью согласился переслать деньги Сашиной маме, записал адрес в специальную тетрадь. А иногда даже разрешал звонить домой. Правда, говорить позволялось лишь в его присутствии, и «только хорошо».

Месяц Александра танцевала на подиуме, и больше от неё ничего не требовали. Но однажды в ресторане появился новый посетитель: высокий, представительного вида турок заказал ей приватный танец.

– Особий клиент. Надо хорошо! – напутствовал Мехмед. – Поныла?

– Ну ладно, постараюсь в лучшем виде, – привычно ответила девушка, не заподозрив ничего дурного.

Почему-то на этот раз исполнять приватный танец предстояло не в одном из тех помещений, которые открывались прямо в общий зал, а в «специальном», как его назвал хозяин, номере. «Любезные» служители заведения проводили Сашу с посетителем через подвальный коридор, красиво оформленный светильниками и аромалампками, сквозь замаскированные под платяные шкафы двери. Тогда она ещё не знала, что этот проход ведёт в здание на противоположной стороне улицы. Девушка не сразу поняла, что всё это значит, хотя Эльза давала по такому поводу особые инструкции.

Служители завели Александру со спутником в шикарно оформленный номер с небольшой возвышающейся площадкой и шестом. Как выяснилось позже, таких здесь было несколько. Изящный низкий столик изобилует изысканными угощениями, вокруг него на застеленном ковром полу лежали бархатные подушки. В смежной комнате виднелась широкая кровать с прозрачным балдахином. Один из служителей включил музыку и удалился. Девушка приступила к танцу. Но, едва она успела сделать несколько движений, посетитель подошёл к ней вплотную и буквально набросился, не скрывая своих намерений.

– О, Маша... Маша, – мужчина дышал Саше в ухо, крепко прижимая к себе и пытаясь сорвать с неё одежду.

– Ой, вы... вы что? – она забилась в его цепких руках, пытаясь освободиться. Сопrotивляясь неожиданному натиску, ударила клиента по лицу. Кричала, звала на помощь, но появился Арслан, основной обязанностью которого было укрощение непокорных танцовщиц, вывел её из номера и несколько раз больно заехал кулаком в живот, приговаривая: «Нада послушна!» Потом приказал «дэлать радостный лыцо» и вернуться к клиенту, а то «будыт

савсэм плохо». Такое своеобразное «внушение» от Арслана проходила каждая пленница, и не один раз.

Позже Саша узнала, что пресловутый подвальный коридор называли «золотым». И правда, играющие в полумраке блики свечей в резных нишах как будто осыпали стены и потолок мерцающим золотом.

Через несколько дней Александру перевели жить в другое здание, а «приватные танцы» с подобающим продолжением она стала исполнять регулярно – два-три раза в неделю.

Слезы, страх, боль, стыд, унижение отныне были постоянными её спутниками. Отходила от пережитого насилия долго и мучительно, страдая не только физически, но и духовно. Стараясь скрыть своё настроение от окружающих, замыкалась в себе, тщательно замазывала следы побоев, если они оставались: в основном Арслан «работал» аккуратно, чем очень гордился.

Саша понимала, что и другие обитательницы заведения переживают нечто подобное – в глазах многих из них то и дело видела отражение собственной боли, иногда замечала замаскированные от публики синяки на лицах и телах, несмотря на «аккуратную воспитательную работу» Арслана. Девушки не делились друг с другом обидами – здесь это было не принято... да и некогда.

Однажды, ведя Сашу по «золотому коридору», Арслан сказал: «Машя, виды сыбя хорошо, да? Ны буду тыбя ударыть. Поныла? А то... у тыбя ма-ама! Сара-атов! Да? Будыт мама пло-охо! Ты будышь харашо – ма-ама будыт харашо! Поныла?»

Александра похолодела.

– Вы не посмеете! – воскликнула она – Мама-то здесь при чём?

Арслан лишь криво усмехнулся в ответ.

С тех пор Саша старалась не перечить клиентам. Однако после каждого «особого» посетителя в её сознании зрела и укреплялась мысль о побеге. Девушка строила планы, но всякий раз убеждалась в том, что выйти отсюда нет никакой возможности. Охрана выполняла свою работу добросовестно.

Время шло. Молодость брала своё, и запуганные девчонки находили маленькие радости даже в таком существовании. Раз в месяц в заведение привозили украшения, наряды и меха, а сладости – каждую неделю. Обитательницы «культурного заведения» заметно оживлялись, пробуя лакомства и примеряя понравившиеся вещицы, которые разрешалось брать в долг.

Саша, внутренне протестуя против своего положения в реальности, пыталась жить в придуманном мире, воспринимая происходящее как спектакль, даже сбрасывание одежды считала необходимой частью некоего ритуала. Всё бы ничего... если бы только не «особые посетители»...

С другими обитательницами заведения Александра могла свободно пообщаться только в хаммаме, который находился в подвальном помещении, пристроенном к зданию ресторана. Купольная крыша этого сооружения, обрамлённая кованой решёткой, составляла главное украшение внутреннего двора.

Несмотря на обычное соперничество, существовавшее в среде танцовщиц, изредка случались между девушками и доверительные беседы. Как-то во время посещения турецкой бани, греясь на тёплом камушке, они разоткровенничались.

– Ох, если бы этот хаммамчик – да к нам в посёлок... и чтобы... вернуться на... года два так наза-ад, – мечтательно произнесла стройная обладательница густых чёрных волос, свисающих чуть ли не до колен.

– В какой посёлок, Алма? – спросил кто-то.

– Да в наш... недалеко от Темиртау, – ответила девушка.

– Размечталась, бедолага! Радуйся, что тебя сюда приводят. И будь счастлива, что вообще держат в этом клубе, а то увезут... куда-нибудь... – сурово оборвала её девушка с разноцветными прядями, торчащими в разные стороны.

– Да ладно, Аннушка, пускай девочка помечтает, – вступилась за Алму Александра.
– Уж тогда и ко мне в Кишинёв... хаммам... и чтобы... этак... года на три назад, – вдруг высказала желание Аня.

– Ну вот, Анька, и сама размечталась, – засмеялась Юля. – Тебе сколько лет-то, Алма? – спросила она притихшую уроженку Темиртау.

– Семнадцать...

– Да ну! – не поверила Александра.

– Да, семнадцать, – повторила та. – По паспорту – больше...

– А здесь ты уже...

– Полтора года, – мечтательное выражение бесследно исчезло с лица Алмы.

– Малолетняя... как тебя угораздило-то? – поинтересовалась одна из коллег.

– А вас – как? – глядя волчком, ответила вопросом Алма.

– Да что ты огрызаешься? Расскажи, – вполне миролюбиво попросила Аннушка, тряхнув своими разноцветными волосами, – мы же так... безо всякой задней мысли...

– Что рассказывать... мне пятнадцать ещё не исполнилось, когда подружка с парнем познакомилась. Так, между прочим. Он внимание оказывал, по ресторанам водил, подарки дарил, катал в город на машине. У нас дома-то вечно жрать было нечего. Мать тогда свою личную жизнь устраивала, ей не до меня было... Однажды уехали мы совсем далеко... привёз он меня на одну квартиру в Караганде. Заявил, что теперь я буду работать девушкой по оказанию эскорт-услуг... Ходить с клиентами в ресторан, там... Он сказал, что я ем красиво... и двигаюсь. Что на меня смотреть приятно... Ну, а если чего-то вдруг «клиенту» ещё захочется, велел не отказывать.

– И ты покорно согласилась?

– Нет, но он меня избил... угрожал... А через месяц взял с собой в Турцию отдыхать. Паспорт мне купил, по которому мне как будто бы восемнадцать лет. И привёз к Мехмеду.

– А танцевать где училась?

– В кружок ходила в школе. И Эльза учит хорошо, у меня получается...

– В общем, и ты на парня попала, как и все мы, дуры, на любовь да ласковые слова клюнула, – прокомментировала Александра. – Ну, тебе-то простительно... в пятнадцать лет...

– А почему это... «как все»? – возмутилась Таня – длинноногая высокая блондинка. – Я, например, в танцевальном конкурсе победила в Челябинске. Там увидел меня один тип, Гарик. Пригласил в Москву на другой конкурс, международный. Я второе место заняла. Он всем, кому призовые места достались, предложил работу в Турции... в престижных клубах. Остальных участниц тоже обещал куда-нибудь пристроить.

– В «престижном клубе» – это у Мехмеда, что ли? – уточнила Саша.

– Ну да. Я сюда попала, а остальные – куда-то ещё.

– В такие же престижные? – засмеялась Аннушка. – Теперь по всем статьям... работаешь. Не только танцами денежки заколпачиваешь. Победительница...

– А вы не знаете, как тут обламывают? – возмутилась Таня. – Не знаете? Или с вами вежливо так побеседовали, объяснили, что сделают, если откажетесь? Или с родственниками...

– Да что вы раздухарились-то, несчастные? Вы ещё не видели, как обламывают по-настоящему, – миниатюрная красавица с рыжими локонами до пояса грациозно спрыгнула с камня, отбросила со лба светящуюся в луче солнечного света огненную прядь, поправила бретельки на купальнике, облилась холодной водой из медной чашки и присела на край мраморной скамьи.

– А ты, Сонька, что ли, видела? – спросила Аннушка. – Или как там тебя, Эсмеральда?

– А вот представь себе, видела! – ответила Сонька-Эсмеральда. – И не только видела, а... на собственной шкуре испытала!

– И где же?

– Не твоё дело! Много будешь знать...

– Ну чего ты... расскажи, Сонь, – попросила Таня. – Мы же не стесняемся о себе говорить... под настроение...

– Есть такое место. Я не знаю, где это, но нас туда долго везли. Сразу из аэропорта. Вот где настоящий ад! Там такое делают, что волосы дыбом! Так издеваются, что на всё согласишься! Арслан – просто ангел по сравнению с теми... мордворотами, – в больших серых глазах девушки читалась такая боль, что спорить с ней никто не стал.

– А тебя как в тот «ад» занесло? – спросила Таня.

– Я никаких конкурсов не выигрывала и не влюблялась. К нам в Карелию в детский дом агенты приезжали... по трудоустройству. Сказали, что это такой социальный благотворительный проект. Специально для сирот. Для тех, у кого родителей совсем нет. У кого есть предки, даже лишённые родительских прав, тех не брали. Записывали желающих на профессиональную подготовку за границу осваивать кулинарное искусство разных стран. Оформление паспортов, дорога, проживание и обучение – всё бесплатно, но при одном условии – если потом два года будем работать на месте официантками. Тогда пятнадцать девочек записались. Сразу после выпуска нас пятерых в Турцию отправили, других – ещё куда-то...

Все слушали молча. Никогда Соня-Эсмеральда не рассказывала о себе так откровенно.

– Как только прилетели, доставили нас к одной тётке и сказали, что заниматься предстоит не поварским делом, а проституцией. Кто не согласен – тот едет дальше. Почти никто не согласился, ну, загрузили нас обратно в автобус и повезли в то место. А там такие люди... вернее, нелюди... издеваются, насилуют, избивают, унижают... дико просто... на глазах у всех! Наркотиками некоторых обкалывают. В общем, захочешь жить – на всё пойдёшь...

– И тебя наркотиками обкололи?

– Нет, – ответила Сонька, – мне руку сломали, – девушка показала предплечье, на котором розовел неровный шрам. – А когда я и на следующий день сопротивлялась, то... мне ту же руку сломали ещё раз. В другом месте.

– Ужас! – воскликнула Александра.

– Я сознание потеряла. Привели врача. Он сделал операцию, наложил гипс и посоветовал быть покорной. Сказал, что в таком случае больше шансов попасть в категорию элитных. «Лучше, – говорит, – сразу внушить доверие, а потом может попасться нормальный клиент, который поможет уехать домой. Главное сейчас – сохранить здоровье... а там...»

– Ну, тоже верно, – согласился кто-то.

– Пугал, что непокорных продают в самые дешёвые бордели, где приходится обслуживать десятки клиентов за день, – продолжила рассказ Соня, – и через несколько месяцев девушки чем-нибудь заболевают или просто изнашиваются и становятся непривлекательными. Тогда их выгоняют, и они умирают на улице от болезней и голода.

– И ты сразу стала покорной? – язвительно спросила Аннушка.

– Анька, ну как ты можешь? Девчонка такое пережила! – одёрнула её Александра.

– А мы тут не «такое» переживаем? – возмутилась Аня.

– Руки-то нам, по крайней мере, не ломают, – возразил кто-то.

– Нет, не сразу, – покачала головой Сонька. – Потом меня отвезли на пустырь, вырыли яму и... пообещали закопать, если я не соглашусь работать, – рассказывая это, девушка дрожала, как будто от холода.

– Сонь, а ты что зубами стучишь? Холодно, что ли? – недоумённо спросила Таня. – Заболела? В бане мерзнёшь...

– Я не могу спокойно про то место вспоминать. Никому раньше об этом не говорила, – тихо ответила девушка, не в состоянии унять нервную дрожь. – Забыть хочется, а не могу...

– Ну, о нас, слава Богу, тут заботятся, – сказала Юля. – Таких ужасов нет.

– Так у нас и не бордель. Здесь – элитный клуб. И мы, выходит, элитные, – сделала вывод Таня.

Девушки сбились в кучку, слушая откровения подруг по несчастью. Только две негритянки с точёными фигурками и шапками чёрных волос остались сидеть в одной из каменных ниш. Не понимая, о чём так оживлённо беседуют белые коллеги, они беспокойно переглядывались.

– Элитный клуб – не у нас, а у Мехмеда. И мы не проститутки! Мы – танцовщицы, – голос Соньки прозвучал не особо уверенно.

– Ну да! Только клиентам всё равно, когда они нас в отдельный номер ведут, – усмехнулась Аннушка. – А мне вот... Роза рассказывала... ну, та, которую увезли на прошлой неделе, что период принуждения – самый опасный. И бригада, которая в это время девушек «обламывает» – самая жестокая. Но я, честно говоря, не хочу об этом даже думать. Да и чего ещё от нас можно добиться?

– Полного послушания, – ответила Соня. – Чтобы никакого сопротивления, и чтобы выполняли всё, что эти гады скажут.

– Наш Арслан – тоже... ничего себе, кадр, – усмехнулась Александра.

– Нет, вы настоящих не видели, – возразила Сонька-Эсмеральда.

– И не дай Бог! – заметила Саша.

– Полигонами эти места называются, – вставил кто-то, – где укрощают...

– Да, жуть, – согласилась Аннушка. – Роза тоже что-то подобное упоминала, а мне даже... думать страшно, что такое бывает. И сбежать оттуда, говорят, невозможно.

– Отсюда, что ли, можно?

– Она сказала, что там всё оборудовано... специально, – Аня как будто не услышала замечания, – Если угодила туда, главное – сделать вид, что ты сломлена, покорна... и на всё согласна. Тогда быстрее попадёшь, как они говорят, на «стадию использования» – к следующему владельцу... а дальше – как Бог даст... И ещё, девчонки, удирать лучше всего в процессе перевозки или во время продажи.

– Да нам-то это зачем? – спросила Таня. – Мы вроде уже пристроены.

– Пока держат – пристроены, – ответила Юля. – Когда меня первый раз с подиума к клиенту отправили, Арслан свои «воспитательные» меры ко мне применял и угрожал этим полигоном. Отсюда ведь тоже увозят, наверное, не на курорт. А может, и вообще – на органы! Кто станет искать нас в Турции, если мы по закону здесь уже давно не должны находиться?

– Да ладно тебе... страх-то наводить, – прошептала Таня.

– Сколько за год здесь девчонок сменилось? – попробовала сосчитать Аннушка. – Шесть?

– Семь, – поправила Юля, – или восемь? А ведь это почти половина всего состава!

– И где они – те, кого увезли?

– Кто знает...

– Что смотришь? – спросила Аня, подойдя вплотную к испуганно наблюдавшей за ними девушке, которая появилась в заведении совсем недавно. – Как звать-то тебя, новенькая?

– Оля, – тихо ответила она.

– Настоящее имя или погоняло?

– Настоящее...

– А ты, Оля, как сюда попала?

– В хореографическое училище поступать приехала, в Москву.

– Не поступила?

– Не-а! Не прошла по конкурсу. Домой возвращаться стыдно было.

– А сюда – не стыдно, – невесело прокомментировала Аннушка.

– Я же... не думала, – со слезами на глазах принялась оправдываться Оля. – Я просто не знала, что делать! Ночевала на вокзале, а ко мне подошла одна тётенька. Приличная вроде, такая добрая. Расспросила обо всём, повела к себе домой, чаем напоила. И предложила хоро-

шую работу за границей... на годик. Чтобы следующим летом снова поступать. Ну, я и согласилась...

– Ну да, теперь точно поступишь! – «воодушевила» новенькую Сонька-Эсмеральда. – Коли выберешься отсюда...

– Слушайте, а если убежать нам всем? – предложила Таня. – Вот прямо сейчас, а? Представляете, эффект неожиданности?

– Ага! В полном составе! – поддержал кто-то, подав голос из облака пара.

– А ты дверь открой! – возразила Аннушка. – И куда мы пойдём – мокрые, в одних купальниках, без денег, без паспортов...

– В полицию! – не унималась Таня.

– Наивная! Да у них всё схвачено! Нас же и упрячут за решётку... в тюрьму для иностранных граждан... для любительниц восточных сказок.

– В консульство можно пойти, – поддержала Таню Александра.

– В какое? Мы тут... интернационал, – мрачно усмехнулась Аннушка, – и консулы нам что, на свои денежки оформят все документы и купят обратные билеты? А ещё – всякие «тёрки» с полицией. Больно им надо...

– Девчонки, да консул не будет брать на себя такие хлопоты, – согласилась с Аннушкой Юля, – мне одна... не помню, как её звали – рассказывала, что...

Дверь открылась, в клубах пара показалось бородатое лицо.

– О, вспомни чёрта, он и появится, – скривилась Аннушка.

– Все хорошо? – поинтересовался чуткий страж.

– Да, всё прекрасно! – заверили его девушки.

– Что тебе надо? Чего смотришь?

– Тут хоть дайте нам расслабиться! Никакого покоя нет! – наперебой завозмущались они.

– Быстрэй! Танца скоро надо! – поторопил охранник, не отводя цепкого взгляда от распаренных девичьих тел.

– Дверь закрой, тепло выпускаешь!

– Да мы заканчиваем уже...

– Девчонки, давайте мыться скорее, а то что им стоит штраф на всех наложить, если снова задержимся...

* * *

В этом году праздник «Зелёные святки» решили устроить на знаменитой «Красной горе», где ещё красовались декорации к фильму «Русский бунт». Денёк выдался ясный, как по заказу. Мероприятия распланировали на два дня.

На высокой, сооружённой для этого события сцене выступали народные коллективы. Знаменитый дуэт Рябинкиных, который участвовал во многих пикетах и митингах, проводимых партийцами в рамках предвыборных кампаний, исполнял под гармошку новую песню о родном крае.

К выходу на сцену готовился фольклорный ансамбль «Перегода». Марина, руководитель этого коллектива, объездила с экспедициями немало казачьих станиц, собирая старинные песни, стараясь сохранить и донести до слушателей их самобытность и оригинальный стиль исполнения. Даже костюмы и украшения участниц ансамбля представляли собой точные копии старинных нарядов казачек. «Реконструкция», как говорила Марина.

Надежда отметила про себя то, как естественно держатся исполнительницы на сцене: то подбоченятся, то ножкой притопнут, то платочком махнут. А голоса звучат как будто из того времени, когда жёны казаков носили такие наряды.

*«...Плёточка шелкова на стенке висела.
На стенке висела, всю ночь просвистела.
Мое тело бело всю ночь проболело», – запевала Марина.*

Высокая, статная – настоящая казачка в нарядном платье, вышедшая на гулянье в праздничный день, она проговаривала каждое слово так, как это было принято с давних пор в народной традиции. Ансамбль дружно вторил ей:

*«...Купи муж обнову, чёрну шаль пухову.
Чёрну шубу нову – опушку боброву...»*

«Да уж, женщины во все времена были равнодушны к нарядам, – вздохнула Надежда, – сидит на печи побитая, плачет, а о новой шубке мечтает...»

Рядом со сценой стоял русоволосый юноша в традиционной косоворотке. Надежда узнала в нём Антона – сына Марины. Поневоле залюбовалась им: кудри молодого человека развевал летний ветерок, взгляд серых глаз устремлён вдаль, на чётко очерченных губах играет улыбка. Щёки его ещё не утратили детской нежности, но на скулах вот-вот проступит первая щетинка. «Как добрый молодец из русской сказки», – подумала Надежда.

На сцену вышел другой коллектив. Надя подошла к раскрасневшимся после выступления артистам.

– Марина, а серёжки – это тоже реконструкция? – поинтересовалась она, разглядывая ажурные серебряные шарики на круглых подвесках в ушах женщины.

– Совсем недавно сделали, – охотно ответила та. – Это височные колты в виде серёжек – современное украшение по мотивам древних. Новгород, десятый-двенадцатый век.

– Красиво, – оценила Надя, – а сегодняшние ваши наряды из какой местности?

– Такие сарафанки носили уральские казачки и часть оренбургских. Их называют сакмарскими, – Марина очень увлеклась этой темой, много знала и могла часами рассказывать о старинных традициях, песнях и костюмах...

Под навесом жарились шашлыки, повар-кулинар в русской рубашке ловко переворачивал блины на круглых сковородках, орудуя ими, как жонглёр в цирке. По округе разлетались аппетитные ароматы.

Коробейник в красной рубахе предлагал попробовать медовухи.

– Испить из этого кубка, что ли? – высказала намерение Надежда. – Я никогда не пробовала медовухи.

– Надюха, прежде чем это пить, надо посоветоваться с врачом, – возразил верный соратник Серёга, оказавшийся поблизости.

– С психиатром? – уточнила она. – Это ты свои услуги предлагаешь?

– С эпидемиологом, – ответил товарищ, – и с наркологом ещё! Отравиться захотела? На улице самодельный алкоголь распивать собралась!

– Да почему сразу – алкоголь? И не привезут же на такой праздник плохие продукты, – возразила Надежда, но от коробейника отошла.

Начался обряд завивания берёзки. Представители разных творческих коллективов сошлись в одном хороводе.

*...Я пойду-пойду, погуляю,
Белую берёзу заламаю...*

– Наши предки считали, что с помощью таких обрядов можно взять у берёзки красоту и силу, – прокомментировал подошедший Виктор Михайлович Саянин, председатель областного Русского центра.

– Наивные-е, – вздохнул Серёга.

– Ну почему же? Это народные традиции, а в них заложена жизненная мудрость, – назидательно произнесла Надя.

*Берёзка, берёзка,
Завивайся, кудрявая!*

Украшенные лентами венки под песенное сопровождение пустили по реке. Собравшиеся провожали их взглядами, пока те, уносимые течением, не скрылись за поворотом.

Ленивое вечернее солнце купалось в зеркальной глади реки, медленно разливаясь красновато-золотой мерцающей дорожкой, и, постепенно угасая, стекло за горизонт, оставив в небе багряное зарево, отражающееся в воде.

– Закат-то какой! Только картины писать, – восхитилась Надежда красотами родной природы. – Серёга, слушай-ка, посоветуй мне, какие витамины попить, чтобы до отпуска продержаться? – обратилась она к верному соратнику у. – Я что-то быстро уставать стала, и спать постоянно хочется. Купила какие-то... первые попавшиеся, но от них только аппетит повышается.

– У-у, как всё у тебя... Витамины тут уже бессильны! И, знаешь, что я тебе скажу, Надюха? Только ты не обижайся!

– Ну, говори, – милостиво разрешила Надежда.

– Замуж тебе пора, Устинова! А то нервная ты какая-то...

– Да отстань ты, Серёжка! Вечно ты, – отмахнулась Надя, подумав, что он не так уж и далёк от истины. Недаром – психиатр! – А... за кого? – вдруг спросила она, предположив, что ему стало известно о предстоящих изменениях в её личной жизни. Для всех, кроме закадычной подруги Натальи, она эту новость пока держала в секрете... до поры до времени.

– Чего – за кого? – не понял Сергей.

– Замуж – за кого? – повторила она вопрос.

– Ну, ты, слушай... То «отстань», то сразу «за кого»! Я-то откуда знаю! Выходи, да и всё! Сваха я тебе, что ли, Устинова? В смысле психического здоровья – тут я могу посоветовать, а за кого замуж... это не к психиатру!

– Ой, ну началось! Спросить уже нельзя!

– Так смотря о чём!

– Я вообще-то про витамины спросила, ты сам мне про «замуж» начал советовать.

Виктор Михайлович Саянин с супругой Ольгой Владимировной прогуливались вдоль берега, любясь закатом.

– Хороший день сегодня! И погодка не подкачала, – он был в приподнятом настроении.

– И коллективы все приехали, никто не подвёл, – откликнулась Надежда, – а вы волновались!

– Статью напишешь, Надя? О сегодняшнем празднике...

Центр выпускал по особым случаям газету «Русский путь», и многие представители сей достопочтенной организации периодически печатали свои статьи в этом издании.

– Конечно, – согласилась Надежда.

– Только поторопись! Три дня тебе хватит?

– Вполне, – кивнула Надя, намереваясь освободиться гораздо раньше, потому что через три дня она обещала быть у Юрия.

* * *

Нина пошевелилась, и запястье Александры пронзило острой болью, оторвав её от воспоминаний.

– Ой, Нин, ты потише!

– Да мне самой больно, но и сидеть так уже невозможно, – пожаловалась девушка.

– А-а? – обернулся «Ёжик».

Подруги испуганно примолкли, а Саша в мыслях вновь вернулась в недавнее прошлое...

...Однажды в заведении Мехмеда появился новый посетитель – молодой представительный турок. Он положил глаз именно на неё, изъявил желание уединиться с ней в частном кабинете. Вёл себя незнакомец вполне сдержанно, ничего, кроме танца, не требовал. Говорил по-русски совсем без акцента, но часто путал падежи, время и форму глаголов, или некоторые слова употреблял не к месту и не по назначению. Балкан – так звали молодого человека – стал появляться часто, из всех девчонок выделял Александру и с весьма заметным для окружающих постоянством оказывал ей внимание. Обычно она исполняла для него частный танец в одной из специально оборудованных, завешанных зелёным бархатом ниш, а потом они в течение полутора-двух часов сидели вместе на небольшом диване. Пили вино, ели фрукты, разговаривали о пустяках. В сущности, все беседы их были о танцах, о погоде и о настроении...

Александра уже ждала этих встреч. В один из таких дней, как обычно, они заняли отдельное помещение. Не дожидаясь, когда девушка начнёт танцевать, Балкан нежно взял её за руку, чего раньше себе не позволял.

– Маша, надо говорить, – сказал он тихо.

– Давай поговорим, – согласилась она, не предполагая ничего особенного.

– Ты мне понравишься. Не так, как танцовщица... как женщина, – признался он, и она почувствовала его волнение.

– А как танцовщица – не «понравлюсь»? – спросила девушка с грустной улыбкой.

– И так – тоже, – кивнул он. – Прости, я по-русски... не совсем хорошо...

– Да нет, ты нормально говоришь, – отметила она, – и совсем без акцента... только слова некоторые смешно коверкаешь.

– Маша, я хотел забрал тебя отсюда... и увёз к себе.

– Нам не разрешают уезжать.

– Ты не понимаешь, Маша. Я тебя совсем отсюда забирал, наверное.

– Совсем? – сердце Александры застучало, как ей показалось, непозволительно громко, она приложила руку к груди.

– Что, плохо? – встревоженно спросил он.

– Нет, всё хорошо, – неуверенно проговорила она.

– Маша, ты согласилась? – уточнил он.

– Балкан, но ведь я – собственность хозяина этого клуба, – ответила Александра.

– Что «собственность»? – засмеялся мужчина. – Ты...

– Ты даже не знаешь, что здесь девушек покупают? – перебила она.

– Да, контракт... бывают условия, и тут есть. Бизнес. Я тоже есть бизнес.

– Какой? – поинтересовалась Александра.

– Мало, – ответил Балкан и сблизил почти вплотную указательный и большой пальцы свободной руки, показывая, насколько мал его бизнес, – издательство совсем немного и торговля чуть-чуть. И в Россия магазин. И ещё игра.

– Какая игра?

– О, снукер! Шары покатай. Я случайно узнавал про это место. Здесь можно играть. Мне хорошо везёт!

– А, это биллиард? На деньги?
– Да, ставки... Это снукер...
– И большие ставки?
– Дорогой клуб, высокая ставки. Но есть выше. Маша, ты со мной пойти?
– Нам даже выходить не разрешают... И визы у нас просрочены... Мы тут пленницы!
– Красивой танцовщица надо уберечь! – засмеялся Балкан. – Ты танцевать, работать долг, получать деньги, жить здесь, кушать, покупать золото, – он потрогал её руку, на которой блестел новенький золотой браслет. – Это бизнес. Всё можно... как это... подставлять под закон...

– Подвести под закон, – поправила Саша. – Но если полиция узнает, то нас депортируют.
– Может быть, – согласился Балкан. – А твоя визу мы решим... Я, правда, не очень... знал мелочи.

– Не вникаешь в подробности, – грустно улыбнулась Александра. Похоже, ты многого не понимаешь, – с досадой добавила она. – Я тоже не все знаю, но после этого места девушек ждёт что-то очень страшное.

– Маша, я буду заплачу твой контракт, и ты пойти со мной.
– Куда «пойти»? – простодушно спросила Саша.
– Домой. Ко мне. Ты не... повозражаешь?
– Не возражаешь! – засмеялась она.
– Да, – смутился он. – Ты будешь согласен жениться со мной?
– Выйти за тебя замуж! – заливалась смехом девушка. – Вот это да!
– Да?

– Да! Если ты вытащишь меня отсюда, – ответила новоиспечённая невеста, не очень-то веря в такую удачу. – А ведь ты даже не знаешь, как меня зовут! – заметила она.

– Знаешь! Маша, – улыбаясь, возразил Балкан.
– Нет! Меня зовут Александра! Саша! Это здесь мне другое имя дали... для сцены.

– Да, хорошо, Саша. Мне так понравится тоже, – продолжая улыбаться, кивнул Балкан. Они сидели рядом на диване. Он нежно привлёк её к себе, она почувствовала тонкий аромат его парфюма и тепло его рук. Из зала доносилась восточная музыка. Он обнимал её так бережно, как никто раньше, а поцелуи его были сладкими и долгими...

– Мне пора, – забеспокоилась Александра.
– Хорошо, – согласился Балкан, – я буду поговорить Мехмед. Жди меня.

Балкан Александре был приятен, даже очень, но о любви здесь речи не шло. Да и опыт подсказывал, что не следует слишком доверять турецкому мужчине. Но так хотелось ему поверить!

Саша знала, что при отправке девушек из заведения накопленные деньги им забирать не разрешают. Танцовщиц увозят, в чём есть – как в старые времена восточные мужчины выгоняли надоевших или провинившихся наложниц. Видимо, об этом знали все обитательницы клуба. Каждая старалась надеть на себя как можно больше дорогих украшений из тех, что удалось приобрести.

Александра ждала развития событий и готовилась к ним. По совету Юльки устроила своеобразное хранилище в чашечках лифчика, спрятав там больше половины всей имеющейся у неё валюты – сколько вошло. Для остальных сбережений, которые хранила в широкой щели под подоконником, собиралась придумать что-то ещё, но не успела. Саша была уверена, что накопленного хватит на первое время, если с Балканом у неё не сложится. Во всяком случае, этих денег уж точно будет достаточно, чтобы какое-то время продержаться и вернуться домой.

Неожиданно рано утром за Александрой пришли, привели к Мехмеду. Девушка обрадовалась, подумав, что наконец-то ситуация разрешится. Но она ошиблась.

– Ты ныблагодарный дэвушка! Я всо тебе дал! Ты развы плохо живошь? А-а? – возмутился Мехмед, брызгая слюной, – что тебе надо ещё? Дэнги получаишь! А? Мало дэниг? А? Маме посылать, а? Хаммам тебе, рэсторан тебе, шопинг, массаж – всо, всо тебе! А? Ты харашо живошь! Как принцесса ты живошь! Ны знаишь, как бивает? А? Уйдошь – узнаешь! Полыгон такой знаишь? А? Попадаешь туда – сра-азу будышь послушна! Толко мнэ такой дэвушка потом ны надо... с полыгон! Здэс здоровий надо и высольй. Да? И молодой совсэм, свэжий. А ты пойдешь плохой завьдэние потом! Быть будут, другой такой... всакий дэлать бо-лно, – уговаривал турок, постепенно успокаиваясь. – Ты молодэц, хорошо танцуешь, да? Элза кричит – ны обращай внимание, да? Главное – клыент нравытся! С клыент – привыкнышь! Что ещё, а? Работай, да?

– Отпусти, Мехмед! Ведь ты же совсем не злой!

– Что «отпусти», да? Паспорт твой здэс! – он указал на закрытый сейф. – Ны получишь! А быз паспорт куда пойдешь? А? Иды! А?

– Если ты меня не отпустишь, то Балкан в полицию заявит! Расскажет, что вы здесь девчонок покупаете и... в проституток превращаете! Мы же танцевать только должны по контракту! Не хочу я больше тут оставаться! Не хочу! – кричала Александра. – Надоело это всё! Ты меня не заставишь! Это же насилие! За такое судить вас надо!

– А-а! Суды-ыть! – взвился Мехмед. – Ты у-умный, да? Всо-о знаишь?

– Отпусти меня, Мехмед! Балкан жениться на мне хочет!

– Ны хочит уже! Ны хо-очит! Он думал – ты арты-ыстка, танцо-овщица! Да? Балэ-эт! А ты – шлу-уха! Он так ны думал! Тыперь – думает! – для убедительности Мехмед приставил палец к голове.

– Неправда! Ты врёшь! Ты всё врёшь! – Саша схватила вазу с фруктами, швырнула в хозяина. Тот увернулся, и ваза, со звоном ударившись об угол стола, разлетелась на куски. Фрукты рассыпались по полу.

– А-а! Şeytan kadın⁹! Ах ты... дра-ань! А-а? Ы-ышь, ты-ы, – вконец разгневался Мехмед, переходя с русского на турецкий и наоборот.

Разгневанный владелец заведения постучал в стенку, и дебоширку увели, но уже не в её уютный номер, а в маленькую захламлённую комнатку в подвале с крошечным квадратным оконцем под самым потолком. Арслан применил к ней свои «методы воздействия», стараясь при этом не испортить внешний вид танцовщицы. Бил очень больно, но так, чтобы следов не осталось. Александра долго отлёживалась после очередного сеанса «воспитательной работы» на низком топчане, покрытом клетчатым потёртым пледом.

А через несколько часов её уже везли из ненавистного «элитного» заведения...

Невесёлые воспоминания Александры прервал глухой удар и скрежет металла. Оказывается, впереди идущий автомобиль внезапно затормозил, а Верзила не успел сбавить скорость, чтобы избежать столкновения.

– А-а-а, şeytan¹⁰! – закричал водитель.

Оба авто, ставшие участниками дорожно-транспортного происшествия, остановились.

Мужчины, живо обсуждая ситуацию, вышли из салона и отправились на разборки. Виновник инцидента спешил им навстречу, а рядом с ним семенял мальчик лет пяти, которого тот крепко держал за руку, отчитывая на ходу. Малыш мусолил в свободной ручонке леденец на палочке и громко плакал.

Каждый из мужчин пытался доказать, что именно он прав. При этом все темпераментно жестикулировали, напоминая карикатурных персонажей. Молодой папаша что-то объяснял, показывая на малыша.

⁹ Чёртова баба (тур.)

¹⁰ Чёрт (тур.)

– Мальчишка, наверное, за рычаг потянул, – предположила Нина. – Одна моя родственница сынишку так везла... на переднем сидении...

– Идиоты, – горько усмехнулась Нина.

Поток машин плавно обтекал место происшествия. Через несколько минут подкатил полицейский автомобиль. Теперь все трое общались со строгим блюстителем порядка.

– Нинка, а что, если к этому полисмену обратиться? А? Вдруг поможет...

– Ага... «поможет», – вяло отозвалась та. – Потом догонит и ещё раз... «поможет».

Тем временем полицейский приблизился к авто, в котором томились пленницы. Окинул взором последствия столкновения, наклонился, заглянул в салон и, увидев пассажирок, открыл дверцу с той стороны, где сидела Нина, потянув её за руку. Девушка вскрикнула от боли. Мужчина удивился, вопросительно посмотрел, о чём-то спросил.

– Помогите нам... пожалуйста! – не поняв вопроса, обратилась к нему Александра. – Позвоните в российское консульство! Мы в неволе, – она старалась говорить тихо – так, чтобы её слова не долетели до ушей Ёжика и Верзилы. Полисмен с явным интересом прислушивался к её речи. В душе Саши затеплилась надежда, сердце гулко застучало. – Мы русские. Нас везут...

Подскочивший Ёжик стал что-то бойко объяснять по-турецки.

– Расспрашивает, смотри-ка! Сейчас поймёт, что здесь не всё чисто, и сообщит куда-нибудь, – Саша уповала на сообразительность стража порядка.

Ёжик вдруг открыл переднюю дверцу и вынул из бардачка какие-то корочки, похожие на удостоверение, показал их полицейскому. Верзила тоже достал из нагрудного кармана рубашки документ и предъявил его. Все четверо выглядели вполне успокоившимися и удовлетворёнными, даже малыш весело смеялся, грызя леденец.

– Вот видишь, они уже договорились, – подала голос Нина. – И, кажется, весьма довольны...

– Да, похоже, все вопросы решены, – предположила Александра, едва не плача от досады, – кроме нашего. Иначе эти... не были бы так «довольны»!

Мужчины вернулись в автомобиль, оживлённо беседуя. Путь продолжался, как будто ничего не случилось. Александра не сразу отошла от пережитого волнения, едва мелькнувшей надежды на спасение и такого скорого разочарования.

* * *

Празднование «Зелёных святок» продолжалось. Уже в сумерках разжигали костёр, готовили шашлыки, вместе с «Перегадой» тянули песни. Надежда и не вспомнила потом, кто предложил прыгать через огонь, и кто это сделал первым, но она решила не отставать.

Благополучно перемахнув через весёлые языки пламени один раз, женщина подумала, что неплохо бы запечатлеть для истории сей знаменательный факт. Вручив свой новенький цифровой фотоаппарат Виктору Михайловичу, разбежалась и повторила прыжок. Взглянув на экран, ужаснулась: над костром парило бледно-розовое, под цвет её шёлкового костюма, пятно, отражающее траекторию незабываемого полёта.

– Ой, жуть какая! – оценил Серёга. – Надюха, тебе бы метлу в руки... для завершения композиции! Вот был бы кадр! – засмеялся он.

– Ну, ты как всегда, – отмахнулась Надежда, а сама подумала: «А ведь он прав, этот противный Серёжка! Ужас! Только метлы и не хватает. Надо ещё разок попробовать... слетать».

Перепрыгнула через яркий костерок снова, результат – тот же. Даже в голову не пришло переключить режим съёмки. После пятой попытки в момент приземления нога подвернулась, и Надя с криком плюхнулась на траву.

К ней подбежали обеспокоенные друзья-товарищи, подхватили под руки, усадили на скамейку.

– Надюха, ну вот... что ты... распрыгалась-то? – Серёга от растерянности не находил слов, – пятнадцать лет тебе, что ли!

Кто-то особо заботливый с силой дёрнул Надежду за ногу, решив, что у неё вывих. Женщина вскрикнула от резкой боли, по щекам невольно покатались слёзы. Вдруг стало понятно значение фразы «искры посыпались из глаз»: она их отчётливо увидела перед собой.

Доехав до гостиницы в районном центре, где были забронированы номера, вызвали «скорую помощь», которая почему-то не приехала. Нога отекала и сильно ныла. Откуда-то принесли эластичный бинт и обезболивающие таблетки.

«Вот ещё, буду я травиться», – подумала Надя, а вслух вежливо ответила:

– Спасибо, я лучше потерплю. Не люблю таблеток.

В номере Надежды собрались друзья. Каждый пытался чем-то помочь пострадавшей.

– Надо бы к ноге лёд приложить, – посоветовал Серёга, который, конечно же, тоже был здесь.

– Да где его тут взять-то? – озадачился Игорь Большаков, один из активистов Русского центра, преподаватель истории в университете.

– Ну, тогда хоть холодную воду, – не унимался Сергей.

Где-то раздобыли таз, наполнили холодной водой, Игорь поставил его у ног Надежды. Она не реагировала. Нога так болела, что страшно было пошевелиться.

– Давай сюда повреждённую конечность, – скомандовал Игорь, видя отрешённое состояние Нади.

Она повиновалась. Товарищ осторожно принялся смывать пыль с её травмированной ноги. Каждое прикосновение отдавалось резкой болью. Надежда то и дело вздрагивала и вскрикивала.

– Терпи, казачка! Атаманшей будешь, – скомандовал Игорь. – Доктор велел в холоде подержать...

Потом осторожно промокнул ногу полотенцем, туго забинтовал эластичным бинтом, взятым в местной аптечке.

– Перед сном повязку снимешь, а утром снова надо наложить... потуже, – дал профессиональную рекомендацию Серёга.

– Хорошо, – покорно согласилась пострадавшая.

– Давай вторую ногу, – Игорь не отходил от больной.

– А вторую-то зачем? – спросила ничего не соображавшая от боли Надежда.

– Надюха, а ты что, в морге с грязной ногой будешь лежать? – доходчиво пояснил верный соратник Серёга.

– Да ну тебя, Серёжка, – засмеялась Надя.

– О! Чувство юмора на месте! Значит, жить будешь, Надюха, – констатировал доктор.

– Чувство юмора-то на месте, только очень больно... просто невыносимо! – призналась она.

Лишь сейчас до Надежды дошло, что все манипуляции с её ногами Игорь Большаков совершал на глазах у собственной супруги, которая с невозмутимым видом восседала рядом с ней на кровати.

«Кошмар! Как неудобно-то! – ужаснулась Надя. – Вот уж... угораздило...»

– Ой, да я... сама... – и она попыталась освободиться из по-дружески заботливых рук Игоря.

– Да сиди уж, попрыгунья! – возразил тот и процедуру омовения второй ноги, как ни в чём не бывало, довёл до конца.

Приятели вспоминали исторический полёт Надежды над костром и бесславное приземление.

– Ой, Серёга, мне же статью надо написать... срочно... в «Русский путь». О сегодняшнем празднике, – вспомнила она.

– Ну и напишешь, – бодро ответил верный товарищ, – ранение-то твоё – вполне совместимо с жизнью!

– Как же я напишу, если у меня нога болит?

– Ну, ты же не ногой писать будешь, Надь! – Серёга был в своём репертуаре.

– Серёжа, напиши ты, а? Пожалуйста! – взмолилась она.

– Надя, у тебя красивее получится. А я... как-то, – неопределённо возразил он.

– Ну да, ты у нас, по большей части, психиатр! – съязвила Надежда.

– Ты уж, правда, помоги, Сергей! – попросил Виктор Михайлович, который тоже, конечно, был тут.

– Серёга, ну что, тебе... нечего, что ли, сказать... человечеству? – принялась убеждать Надя.

– Человечеству-то? – со значением переспросил Сергей, – ну ладно, попробую! А ты потом посмотришь... подправишь, если что. Цитат своих романтических добавишь... для «человечества»...

– Посмотрит, посмотрит, – пообещал за Надежду Виктор Михайлович.

– Ну конечно! Спасибо, Серёжа! Век не забуду! – обрадовалась она.

– Обращайся, Надюха! – шутливо-покровительственным тоном ответил тот.

Надежда оживилась, случайно пошевелила забинтованной ногой и невольно вскрикнула от боли.

– Ну ладно, Надь, отдыхай. Хирургическое ЗАМЕШАТЕЛЬСТВО больше тебе не требуется, мы пошли, – сострил Серёга.

– И правда, пойдёмте, ей покой нужен, а она тут с нами светские беседы ведёт, – поддержала молчаливая Вера, супруга Игоря, поднимаясь с места.

– Водички мне хоть оставьте, вдруг я пить захочу, – жалостливым голосом попросила Надежда.

– А, сейчас, сейчас, – пообещал Серёга и через пару минут принёс бутылку минеральной воды. – Как здорово иметь друзей-то, Устинова! Есть кому статью за тебя написать, помощь оказать... и стакан воды подать, опять же...

– А я разве спорю? – согласилась она.

Проводив друзей-товарищей, Надежда легла в постель и сразу почувствовала облегчение.

«Ах, как, оказывается, благотворно горизонтальное положение влияет на здоровье!», – подумала она.

Через некоторое время позвонила Юрию, рассказала о своих приключениях.

– Наденька, солнышко, ну зачем на Троицу через костры надо было прыгать? – удивился он. – Это же не ночь на Ивана Купала!

– Ну, не знаю... разожгли, да и... не гореть же ему просто так, – неуверенно ответила она.

– И ты решила прыгнуть! Ну, ты как ребёнок, Надюша!

– Нет, не я... не я первая, Юра...

– Вот ни за что не поверю! Наверняка ты всех и подзадорила.

– Честное слово, не я!

– Наденька, а я ведь как чувствовал, что с тобой что-то подобное приключится! Очень болит?

– Болит... Юра, ну что ж теперь?

– «Что ж теперь»... Теперь лечись! А я-то, дурак, надеялся, что ты ко мне приедешь!

– Да я с недельку подлечусь и – к тебе! Сразу же, – виноватым тоном пообещала Надежда.

– Вот и не знаю... ладно?

– Юра, не говори так. Я же тебя люблю!

- Правда? – спросил он. – Надюша, а ведь ты первый раз это сама сказала!
- Разве? – изумилась она.
- А ты не помнишь? У тебя же обычно... слова не вытянешь!
- «Слова не вытянешь»... У меня нога болит, а ты мне говоришь такие вещи!
- Надюша, миленькая моя, ну не сердись...

Они поговорили ещё немного в том же духе, ещё разок объяснились друг другу в любви, пожелали спокойной ночи и распрощались.

Наутро боль в ноге почти утихла, и, плотно перевязав «конечность» эластичным бинтом, Надежда решила принять участие в мероприятиях второго дня. Наступать было пока больно, но она изо всех сил старалась не хромать, а если уж хромать, то самую малость.

– Как же некстати я ногу подвернула! Как вообще со мной такая глупость могла случиться? – проговорила Надя со слезами в голосе.

– Ой, и не говори, Надюха! – с совершенно серьёзным выражением лица ответил верный соратник Серёга. – И, главное: никогда ж ничего подобного раньше с тобой не приключалось! И вот – опять!

– А тебе бы только хохмить, – засмеялась Надежда.

– Ну, вот так-то лучше! – улыбнулся Сергей. – Заживёт до свадьбы твоя нога!

«Ну, не знаю, не знаю, – подумала Надя, – если бы тебе только было известно, насколько она реальна – эта самая свадьба...»

Стойко продержавшись целый день, женщина с облегчением вздохнула, когда, наконец, появились заказанные автобусы и пришло время возвращаться домой.

Алёнка отреагировала на очередное происшествие с мамой в обычной своей манере: сначала слегка поругала её, как будто это не она «Лапочка-дочка», а совсем наоборот. В заключение своей речи, как всегда в подобных случаях, она заявила, что уже ничему не удивляется, а от любимой мамы чего-то подобного и следовало ожидать.

Надежда покорно выслушала монолог дочери и улеглась на диван.

– И какой ты мне пример подаёшь! – не успокаивалась Алёнка. – Теперь лечить тебя надо!

– Ну, куда ж тебе деваться! – усмехнулась больная.

– А ты чтобы слушалась меня! А то всё Юрию Петровичу расскажу! – пригрозила дочь. Надежда смиренно согласилась, но Лапочка-дочка не очень-то ей и поверила.

...С Юрием Надежда каждый день по несколько раз разговаривала по телефону. А ещё – они постоянно обменивались sms-ками: отправляли друг другу по сообщению в час, и каждый начинал волноваться, если ответа в течение следующего часа не поступало. Никогда раньше она не писала столько sms-ок. А сколько нежности они вкладывали в эти короткие строчки! Оба перечитывали долгожданные маленькие послания многократно и, конечно, очень их берегли.

Надежда лечилась более чем усердно. Прилагая немалые физические усилия, ходила на физиопроцедуры – благо, поликлиника располагалась в ближайшем квартале, втирала в ногу лечебные гели, старалась больше лежать. Прелестница-кошка приходила к ней и оказывала посильную помощь: мяла лапками, умащивалась поудобнее и пела свои успокаивающе-мурлыкающие песенки.

И вот, наконец, подлечив ногу и отправив Лапочку-дочку с бабушкой на черноморское побережье Кавказа к родственникам, а Прелестницу-кошку оставив на попечение подруги Натальи, женщина с лёгким сердцем собралась в Москву. Друзья-партийцы, как водится, проводили её до поезда, пожелав счастливого пути. Удобно разместившись на нижней полке уютного купе – на верхнюю забраться ей было пока не по силам – Надежда мечтала о встрече с Юрием и, как всегда, получала удовольствие от езды по железной дороге...

Полковник встречал её на перроне – радостный, с растрепавшимися на ветру прядями волос... такой любимый. Обнял, повёл к машине. Смотрел на неё сияющими глазами.

– Голодная, наверное? – спросил Юрий по дороге к автостоянке. – Сейчас приедем, буду тебя кормить, – пообещал он.

– Ух ты-ы!

В машине он крепко обнял Надю, долгожданный поцелуй был долгим, горячим и волнующим...

«Как же сильно я его люблю! – подумала Надежда, когда машина тронулась, – от его прикосновений голова кружится, от взгляда – сердце сильнее стучит, а когда он далеко – я постоянно о нём думаю. Как будто всё моё существо подчинено этому чувству. Разве так можно?»

– Хочешь конфетку? – спросила она, едва справляясь с головокружением от поцелуя. – Чернослив в шоколаде! В Самаре купила.

– Солнышко, у меня сейчас другой... объект желаний... ладно? – ответил Юрий, посмотрев на любимую лучистым взглядом, взял её руку и поднёс к своим тёплым губам.

– Съешь одну, – пытаюсь унять подступившее волнение, Надежда достала круглую конфету в блестящем фантике и начала разворачивать. – Для тебя покупала!

– Не хочу, – снова отказался полковник.

– Хочешь, – принялась настаивать она.

– Ну, тебе видней! – смеясь, согласился он.

По дороге к дому Надежда кормила его, сидящего за рулём, черносливом в шоколаде и чувствовала себя абсолютно счастливой.

Глава 2

Из клуба Мехмеда Александру привезли в не менее «культурное» место: её продали одному стамбульскому сутенёру. Каракюрт производил впечатление доброго и даже интеллигентного человека. В меру упитанный, с густой кудрявой шевелюрой, в которой поблёскивали седые пряди, с мягкой улыбкой и внимательным взглядом бархатно-карих глаз. Весь такой домашний, спокойный и уютный.

«Приятный с виду мужчина, а сутенёр», – подумала Саша, едва увидев его.

Очередной хозяин дал Саше целый день на то, чтобы она осмотрелась, обустроилась. Попросил соседку по этажу, Галку, которая считалась здесь старожилкой, ввести новенькую в курс дела.

Александра не заметила никаких решёток на окнах, и на замок её не заперли, как было у Мехмеда. Особо «обустроиваться» не пришлось – ничего из вещей, кроме тех, что были на ней надеты, по обыкновению, взять с собой не дали. Постучалась в комнату к Гале.

– Расположилась? – спросила та, открывая дверь. – Ну, пойдём прогуляемся, подруга!

– Как... «прогуляемся»? – не поняла Саша.

– Ногами! – засмеялась «старожилка». На ней были потёртые джинсы, просторная рубашка. Светлые волосы собраны в пышный «конский хвост», на лице – ни капли косметики. Большие голубые глаза с лёгкой поволокой завораживали своей глубиной и прозрачностью.

– Одни? – недоумённо уточнила «новенькая».

– А с кем бы ты хотела? – удивилась Галина.

– Что, вот так... отпускают? – не могла поверить девушка.

– Ты что, с Луны свалилась? Ну, отпускают!

– Странно... не боятся.

– А чего бояться?

– Мы ведь убежать можем!

– Беги! – засмеялась Галя. – Паспорт у тебя есть? И виза небось не просрочена?

– Ну, нету у меня визы, – осеклась Саша, – да и паспорт у... как его...

– У Каракюрта, – подсказала старожилка.

– Но можно ведь в полиции всё объяснить, рассказать... они...

– Простота наивная! Ты давно в Стамбуле? – спросила Галина.

– Почти три года.

– И что ты расскажешь? Как без регистрации проституцией занимаешься? Тебя, кажется, из какого-то крутого клуба сюда привезли?

– Да, от Мехмеда... И я не проститутка!

– Зелёная ещё... не учёная. И что за клуб у этого вашего Мехмеда?

– Говорят, элитный. Восточные танцы, билиард... то есть... как его... а, снукер! С высокими ставками. Ну и стриптиз...

– И всё? А как насчёт «постельных» услуг?

– Тоже... заставляли.

– Ясно. А то я думаю: с чего это тебя нашему Каракюрту подогнали, после такого приличного заведения? Ну, что тебе сказать, подруга, ранг твой стремительно понижается! – засмеялась соседка. – Если раньше ты была танцовщицей, подрабатывающей проституцией, то теперь ты профессиональная путана, которая может развлекать клиентов ещё и стриптизом.

– Я не хотела этим подрабатывать, меня принуждали! И... я не собираюсь здесь оставаться!

– А-а! Ну, как знаешь. И что тебе не так?

– Да не проститутка я! Что, не понимаешь? Не хочу я тут...

– Кто особо хочет-то? Каждая мечтает «завязать» когда-нибудь, – с тоской в глазах призналась Галя. – Только, знаешь, не многим это удаётся. Тебе ещё повезло! Сразу – в элитные! А я в танцовщицы не прошла, потом два года на панели отпахала.

– Так ты...

– Что «так ты, так ты»? Да! Я проститутка! На улице стояла! И что? Не у каждой, знаешь ли, в жизни всё как по маслу.

– И что, другого выхода не было? Кроме...

– А у тебя был выход?

– Меня обманули! И продали! Потом – избивали, запугивали. Под замком держали, за железными решётками. А ты – по своей воле!

– Да что тебе известно? «По своей воле», – уже спокойно сказала Галя. – Не осуждай. Ты же понятия не имеешь, у кого какие обстоятельства. А взаперти или нет – небольшая разница, если ты нелегалка. Коли в полицию заметут – тюрьма обеспечена!

– Тебя тоже кто-то продал? – спросила Саша.

– Нет, сама пошла.

– Ты откуда приехала?

– Из Тамбова. Да что я перед тобой тут... Думаешь, девки от хорошей жизни на панели оказываются? Так что, подруга, как сказал кто-то умный: «Прежде, чем осуждать человека, надень его башмаки да пройди по его дороге...»

– Галя, я не хотела тебя обидеть, – Александра почувствовала себя виноватой.

– Думаешь, это легко и очень просто? Стоять на улице, машины тормозить, ждать клиента, улыбаться, навязываться. Бояться всё время, чтобы псих какой-нибудь не попался. Молить Аллаха, чтобы живой остаться и, по возможности, не сильно покалеченной. А если совсем здоровой, да с денежками – это уже у-ух, какое счастье!

– Аллаха? Ты что, мусульманкой стала?

– Нет, просто здесь наш Господь не очень котируется. Некоторые наши даже ислам принимают.

– Что-то ты не то говоришь! Какая разница, где Он «котируется», а где – нет, если в Него верить?

– Не знаю. Сама-то давно поверила?

– Недавно, – призналась Саша. – А как ты... ну... с улицы попала...

– Меня Каракюрт три года назад в отель перевёл. Я неплохой доход приносила, ну и он решил улучшить мне условия. Мы тут – почти высший ранг, – с грустной иронией сказала Галя. – Чтоб ты знала: не многим удаётся из уличных попасть в отельные. Так легче: хозяин сам клиентов находит, уезжать никуда не надо. В основном в отель ходят вполне приличные мужчины... семейные. Не шваль какая-нибудь.

Александра смотрела на девушку и открывала для себя новые истины, слушая её рассказ.

– Это... ко мне теперь тоже мужики будут в номер ходить? – спросила она.

– А ты бы хотела на улице?

– Я не знала, куда меня привезли и что предстоит делать!

– Теперь поняла?

– Поняла! – кивнула Александра, еле сдерживая слёзы.

– Ну вот...

– Слушай, а скажи, разве можно к этому привыкнуть, когда... ты должна... ну... постоянно...

– Ты про обслуживание клиентов? А кто сказал, что я привыкла? Но если меня купили, то я должна подчиняться. Мне плевать на них: кто они и откуда... лишь бы платили. И чтобы не извращенцы отмороженные.

– И-и... как от этой грязи отмыться?

– В смысле, морально или физически? – усмехнулась Галя. – Знаешь, я считаю, что чистота души важнее, чем чистота тела. Может быть, я так себя успокаиваю, но раз уж наши тела нам не принадлежат, во что ещё верить? Тем более, что тело дано нам только на время. Всего лишь материальная оболочка для бессмертной души.

– Удобная философия! Я тоже примерно так рассуждала, когда... Но ведь на улице ты хотя бы свободная была?

– Сначала – да! Но когда проститутку крышует сутенёр – это безопаснее, – как ни в чём не бывало, пояснила Галя. – Он решает проблемы с полицией, медосмотры регулярно организовывает. Каракюрт содержит четырёх русских девушек... отельных. Ты пятая. И уличных парочку. Он хороший хозяин. Не обманывает. Не бьёт. Совсем не пьёт. У него семья: жена, три дочери и сын. Они все правоверные мусульмане. Живут не здесь, а где-то в провинции.

– «Правоверные», а он на проститутках зарабатывает, – удивилась Александра.

– Да тут многие мусульмане, это ничего не значит. Каракюрт владеет верхним этажом отеля, где мы живём. Плату, кстати, берёт умеренную. У него ещё есть две гостиницы попроще, но те – совсем захудалые – для малоимущего населения. И прибыль приносят – так себе.

– Это что же, ему ещё и за жильё платить надо? – удивилась Саша.

– А ты как думала? И тряпки, в которых перед клиентами придётся щеголять, тоже на свои деньги покупать! И жратву...

– У Мехмеда костюмы, жильё и еда – за счёт заведения... и много ещё чего...

– Ого! Да там у тебя царские условия были! – засмеялась Галка. – Зато у нас – вид на Босфор! И от полиции есть где спрятаться...

– Ты же говорила, что проблемы с полицией хозяин решает, – напомнила Александра.

– Имеются у него, конечно, полезные знакомства. Но бывает, что спецоперации какие-то проводятся, тогда и прячемся. Или в другом отеле отсиживаемся, если заранее предупредят...

– Понятно...

– Только, знаешь, мне кажется, местным стражам порядка всё хорошо известно и про сутенёров, и про нас, грешных: кто, где, почём и сколько. А рейды и облавы – только для вида. Чтобы отчитаться...

– Так чем же они отчитываются, если сами и покрывают?

– Ну, «выявляют», наверное, некоторых, кто им не платит. А так... это же золотая жила! Да ещё и обслуживание на халяву. «Субботники» нам устраивают. Такая тут повинность ежемесячная. Так что, будь готова, подруга!

– Ужас! – Александре не хотелось думать, что всё это может коснуться её лично.

– Теперь про деньги: не знаю, как Каракюрт с тобой договорится, а я ему отдаю половину. Это нормально. Так что ты... того, не продешеви!

– Не хочу даже слышать! Галя, ты так рассказываешь, будто это всё в порядке вещей, будто обычная жизнь. Жуть какая-то!

– А сейчас это и есть моя жизнь. Надо жить сегодняшним днём. Я вот язык даже изучать взялась...

– Турецкий?

– А по-французски-то здесь с кем разговаривать? – звонко захохотала Галка.

– Смеёшься... Неужели тебе и правда весело?

– Глубоко копаешь... А слёзы, подруга, тут не стоит никому показывать! Никто, поверь, не посочувствует.

Прогулялись по набережной. Чайки кружились над берегом, кричали, выпрашивая угощение у прохожих. А те бросали им кусочки хлеба, припасённого для такого случая.

– И много здесь русских... в этом... бизнесе? – кривясь, спросила Александра.

– С какой целью интересуешься? – изображая беззаботное веселье, уточнила Галя. – Конкуренции боишься?

– Как раз наоборот! Хочу как-то выбраться из этого... всего, – поделилась планами Саша. – Может быть, Каракюрт меня отпустит?

– Ага, отпустит! – усмехнулась собеседница. – Он за тебя денежки выложил, дорогуша! Ты их отработать должна! И доход хозяину принести... Ну, и... себе на жизнь, конечно...

Александра сникла.

– Сейчас проституток славянской внешности в Стамбуле – как грязи. Конкуренция! А ты – «не хочу!» Едут девчонки за лёгкими заработками да за красивой жизнью... за восточной сказкой. Смешные... И становятся в этой «сказке» белыми рабынями. Хоть здесь давно уже республика, а многие наивные дуры продолжают мечтать о роскоши гарема, о прекрасном султানে. Только мечты эти оборачиваются... – горько улыбаясь, махнула рукой Галя.

– А... ты?

– Я? Сказала же: живу сегодняшним днём! Без мечтаний этих глупых. День прошёл, я цела и невредима – уже хорошо! И все так. Иначе невозможно...

Присели на скамейку у самого берега, помолчали, любясь видами и вдыхая влажный морской воздух.

– Как здесь красиво! – неожиданно воскликнула Александра. – Я сто лет не гуляла. Если бы не знать, что мне предстоит...

– Вот и радуйся моменту, подруга!

– Я и так... даже самой не верится, что в моём положении можно чему-то радоваться.

– Ты знаешь, что это за место? – вдруг спросила Галка.

– Нет, – простодушно ответила Саша.

– Да ты что! Это же знаменитая пристань Эминеню¹¹! Рядом – площадь с таким же названием, а вон – Галатский мост! Египетский базар здесь недалеко, две мечети... Слушай, тут столько достопримечательностей под боком, а ты – не в курсе! Надо тебя просвещать, подруга!

– Начинай! – оживилась Александра. – У Мехмеда нам ведь не разрешали гулять по городу...

– Ну, хоть в этом тебе сейчас повезло! А то наши девчонки завидуют тем, кто в салонах работает... а там – вон что! Тюремный режим!

– Да, точно...

– Знаешь, Стамбул – необыкновенный город! – воодушевлённо воскликнула Галя. – Этот ветер, пахнущий дальними странствиями! Ни тоски, ни грусти, ни тревоги... даже радость какая-то необъяснимая. Несмотря ни на что... Всегда прихожу сюда в выходной. Иногда наших можно здесь встретить... Во-он в жёлтенькой кофточке – Зинка...

– В выходной? – не поняла Саша.

– Ну да, – подтвердила Галя, – у нас тоже свободные дни бывают! Надо себя занять как-то, чтобы мысли о гибели души не изводили. Это как будто волшебное место! Босфор избавляет от душевных мук и угрызений совести, – с обычной своей усмешкой призналась девушка, но в больших глазах её читалась глубокая печаль.

– А я подумала, что хозяин просто мне дал возможность освоиться... привыкнуть к обстановке.

– Ой! Каракюрт, конечно, добрый человек, но не до такой степени, чтобы пренебрегать заработками, – усмехнулась Галка. – Думаю, на завтра он для тебя уже присматривает... «кавалера».

Александру передёрнуло от этих слов, но она ничего не ответила.

Галя купила у уличного торговца два бублика, посыпанные кунжутом, один протянула Саше.

¹¹ Пристань Эминеню – важнейшая транспортная развязка Стамбула. Находится в районе Эминеню. Рядом – площадь Эминеню, Галатский мост, Египетский базар и Новая Мечеть.

– Покормим братьев меньших?

– Давай, – согласилась та, принимая румяный калач.

Молча бросали хлебные крошки в воду, а суетливые чайки с криками набрасывались на добычу, не позволяя лакомым кусочкам коснуться волны.

– Мне бы маме позвонить! – спохватилась девушка. – Дашь телефон?

– Бери, – Галя с готовностью протянула собеседнице миниатюрный мобильный аппарат. –

А о чём ты будешь с ней говорить?

Александра не ответила.

– Что ты ей скажешь? Чем порадуешь?

– И правда... лучше осмотрюсь сначала, решу, что делать...

– Отдыхай. Научись не думать ни о чём, – посоветовала «подруга по несчастью».

– Попробую...

– Смотри на воду – расслабляет. Босфор – одно из чудес света! Только пока не признанное... Я заметила: если долго глядеть на воду, то хочется взлететь...

Александра всмотрелась в лицо новой знакомой, на котором читалась то восторженная мечтательность, то неподдельная боль, и почувствовала к ней искреннюю жалость.

«Себя мне тоже надо пожалеть – подумала Саша, встрепенувшись. – Мне ведь придётся так же жить, если не найду выхода!»

– Ну что, новенькая, наш выходной продолжается? – спросила Галя, отбросив пустые мечты и придав лицу прежнее беззаботно-весёлое выражение. – Пойдём местными деликатесами полакомимся.

От пристани то и дело отходили или прибывали паромы – разные и по размерам, и по назначению. Александра наблюдала, как легкие автомобили, выстроившись в ряд, покидали борт причалившего к берегу перевозчика.

– Отсюда они ходят во все уголки Стамбула, и не только, – пояснила Галя, поймав Сашин взгляд.

Над площадью летали голуби, а люди их кормили с таким видом, будто именно для этого сюда и пришли.

С небольшого судёнышка, пришвартованного к берегу, торговали приготовленной на углях рыбой. Специфический аромат разносился по округе, смешиваясь с запахом моря.

– Что ты хочешь: рыбу в батоне или печёные мидии? – спросила Галя тоном завсегдатая подобных мест.

– Не знаю...

– Не ела никогда?

– Нет... я же здесь не была...

– Ну, давай всего попробуешь.

Пристроились неподалёку, на скамейке. Под крики чаек лакомились местными «деликатесами», вдыхая аромат дымка и морского ветра...

Серая желтоглазая кошка медленно приблизилась к сотрапезницам, надменно повела худым боком, стараясь казаться независимой, и уселась, равнодушно глядя в сторону. «Я вас не знаю, и мне всё равно, что вы там кушаете», – говорил её вид. Однако стоило Александре бросить киске кусочек рыбки, как та схватила его на лету и принялась с урчанием есть.

– Ближе к вечеру пойдём в одно местечко, я тебя с нашими познакомлю, – сообщила Галка.

Александра молча пожала плечами.

– А пока побудем здесь ещё немного. Смотри, какие облака! Как на картине...

– Да, красиво, – согласилась Саша.

– Днём тут такая суeta, особенно в обеденное время. Все торопятся, что-то хватают на ходу у торговцев, кормят чаек. Этот запах дыма от мангалов и босфорского ветра... и плеск

волн, – с затаённым восторгом говорила девушка. – Если когда-то и изменю свою жизнь, то вряд ли уеду отсюда!

Худой турецкий парень лет восемнадцати катил впереди себя тележку со стеклянной витриной.

– О, хочешь жареных каштанов? – встрепенулась Галя. Не дожидаясь ответа, бросилась к лоточнику и вернулась с полным пакетиком ещё одного не известного Александре лакомства.

– Пробуй, давай! – предложила Галка, протягивая пакет Саше.

Та прониклась настроением новой подруги и очарованием этого места. Уходить отсюда действительно не хотелось. Белоснежные перья облаков на лазурном небе над Босфором постепенно начали приобретать золотисто-розовый оттенок, который становился всё ярче и насыщеннее, и, отражаясь в воде, постепенно окрашивал сверкающие, словно зеркальные, волны.

– Да, красиво здесь! Просто необыкновенно! – не смогла сдержать восхищения Саша.

– Особенно после твоего «мехмедовского» заключения!

– Это точно! А куда нам надо идти?

– В один ночной клуб, на Истикляль¹². Мы там с девочками собираемся. Обсуждаем новости, общаемся. Пробуем местные вина – кстати, есть очень неплохие! В общем, топим в рюмочке тоску... и угрызения совести.

– Те, что босфорский ветер не унёс? – спросила Саша.

– Ага...

– А какие у вас могут быть новости?

– У-у! Ты думаешь, что нам посудачить не о чем? Тем для обсуждения у нас больше, чем на российском телевидении, уж поверь, – усмехнулась Галя. – Кого загребли в тюрьму, кого депортировали, кто сразу подхватил, кто на наркотики подсел...

– Как ты можешь усмехаться, говоря о таких вещах? – ужаснулась Александра.

– Что делать, подруга, что делать! Как сказал умный человек: «Юмор даёт возможность высказываться о таких вещах, о которых страшно говорить всерьёз...» Но бывают и хорошие вести. Некоторым удаётся найти здесь богатых мужей... или не совсем богатых, но это тоже неплохо. Для таких, как мы, подобный случай – верхняя ступень социальной лестницы. Только эти крали на нас уже не смотрят, стыдятся.

– А ты бы как себя повела на их месте?

– Не знаю...

– Улица Истикляль – центр развлечений Стамбула! – восторженно рассказывала Галка. – Своё название она получила после провозглашения турецкой республики. Здесь столько баров, клубов разных... на любой вкус и кошелёк! Только на Истикляль делают настоящие *ичли кёфте* – это такие котлетки из мясного фарша с луком и грецкими орехами. А ещё тут можно попробовать турецкое мороженое из козьего молока.

– Ой, трамвай! – удивлённо воскликнула Александра, увидев красный вагон, на подножке которого теснились два юноши, а сзади – на маленькой площадке – пристроился ещё один. – Без стёкол, без дверей...

– Да, это раритет! – со значением произнесла Галя. – Вообще-то это улица пешеходная. Но один старый-престарый трамвайчик оставили. Он ещё в девятнадцатом веке здесь ходил! Представляешь? Хочешь, прокатимся? Если уж он попался...

– Можно, – согласилась Саша, и девушки проехали небольшую часть пути в древнем вагончике.

– Кстати, на этой улице находится Генеральное Консульство России, если что, – сообщила Галя.

¹² Istiklal Caddesi – улица Независимости в районе Бейоглу, начинается от площади Таксим и спускается к бухте Золотой Рог.

Легко спрыгнув с подножки трамвая, Галка подскочила к высокому худощавому парнишке, продающему с лотка какой-то товар.

– Саша, иди сюда! – позвала она. – Ты когда-нибудь НАСТОЯЩИЕ фаршированные мидии пробовала?

– Нет, – безо всякого энтузиазма ответила та.

– О-о! Ты много потеряла! Здесь они свежайшие! И приготовлены – высший класс! Как надо!

На круглом подносе были парами разложены фаршированные моллюски, отсортированные по размеру и, соответственно, по цене. Девушки ждали своей очереди, а торговец степенно, как будто соблюдая некий ритуал, открывал раковину и, выжимая в неё сок лимона, с торжественным видом протягивал лакомство очередному покупателю.

– Возьмём по парочке крупненьких, – сказала Галка, отсчитывая деньги. – Я тебя сегодня угощаю!

«Крупненькие» мидии стоили по десять лир за штуку.

– Иди сюда, подставляй ладошки! – весело скомандовала Галя, и Александра безропотно приняла из рук торговца его товар на бумажной салфетке. Хотя, по правде сказать, ей не очень-то хотелось это есть.

Саша смотрела на Галку, на её вздёрнутый носик, на то, как она по-детски всему восторгается, вмиг позабыв о грусти. «Водит меня по своим любимым уголкам Стамбула, как будто собственной радостью делится», – подумала она.

Щемящее чувство жалости к этой девушке снова пронзило душу Александры. И это было не то чувство, которое унижает достоинство, а что-то похожее на боль за близкого, очень дорогого человека.

К удивлению Саши, мидии, фаршированные рисом и политые лимонным соком, оказались действительно вкусными. Она подумала, что непременно надо отблагодарить новую знакомую за её щедрость и радушие.

...Собравшиеся в ночном клубе «подруги» отличались всем: ростом, комплекцией, цветом волос, возрастом. Они теснились в углу, недалеко от барной стойки, вокруг невысокого овального стола.

– Ой, Галка пришла сегодня! – обрадованно воскликнула девушка с пышно взбитой причёской цвета меди и поднялась навстречу старой знакомой. – Тебя два раза не было, мы подумали, не случилось ли что... да вроде ничего такого не слышно...

– Нет, лапушки, не дождётесь! – засмеялась Галя. – Здорово, девочки! Алька, привет! – она расцеловалась с медноволосой в обе щёчки, затем по очереди чмокнула остальных. – Я вот новенькую привела... знакомиться. Александрой зовут. Последнее приобретение Каракюрта.

– А-а, конкурентка, – шутливо прокомментировала ухоженного вида девица с эффектно осветлёнными и умело зачёсанными прядями, оценивая оглядывая Сашу с ног до головы. – Ничего-о!

– Да что ты, Люси, у Каракюрта же своя клиентура! – возразила Галя, не надеясь, впрочем, переубедить «подруг». – Мы никому не мешаем...

– Да, не бери в голову, – отмахнулась Люси. Она, пожалуй, была старшей в этой компании и более других умудрённой жизненным опытом.

– Ну вот, знакомься: Люси, Аля, Нонна...

«Всё равно я всех не запомню», – подумала Саша, оглядывая собравшихся и встречая устремлённые на неё взгляды – тоже разные: испытующие, оценивающие, насмешливые, сочувствующие, равнодушные. Люси смотрела с хитринкой, в чьих-то глазах за напускной весёлостью читалась привычная настороженность, в других – откровенная усталость от жизни.

– ...и три Оли: Маленькая, Средняя и Большая, – закончила Галка перечислять имена девушек.

Тёзки различались не только по росту, но и по возрасту.

– А мы тут новость обсуждаем, – сообщила Оля Маленькая – нежная блондинка с короткой стильной стрижкой, стряхивая пепел с тоненькой сигареты изящными, кажущимися фарфоровыми, пальчиками.

– Что за новость? – оживилась Галина, присаживаясь на уголок дивана и приглашая Сашу устроиться рядом, а девушки сдвинулись ещё плотнее.

– Музка откололась от нашей компании. Обаяла одного богатого мужчинку. Скоро поженятся. Он уже перевёз её к себе в шикарный дом. Я теперь одна буду за комнату платить! Представляешь?

– Сбылась заветная мечта путаны! – прокомментировала Галка.

– Позавчера идёт такая по нашему району... разодетая вся. Здоровается пока, но сама уже как бы из высшего общества! Поглядывает снисходительно... Мы же с ней как сёстры были! На одной кровати спали! – возмущалась Оля Маленькая.

– Эка невидаль! – вставила другая девушка.

– Вышагивает, как принцесса! А какие духи-и! И голос будто другой! И ростом вроде даже выше стала...

– А что ты хотела? Она теперь почти замужняя, почти порядочная дама!

– Ну, я и говорю... Могла бы и подругу пристроить... как-нибудь... вытащить из дерьма.

– Он ей пока только жених! – напомнила Люси.

– И что, не помог бы, если бы попросила?

– Оль, ну не бывает так! Сигарету брось, руки обожжёшь! – соседка поправила свою длинную косу цвета спелой пшеницы, вынула догорающий окурок из пальчиков блондинки и бросила в пепельницу.

– Ой, Галка, ты же долго не приходила! Про Янку уже знаешь? – спросила обладательница роскошной косы. – Вы с ней, кажется, вместе работали... в **Лалели**¹³.

– И что? Неужели тоже замуж вышла? – весело высказала предположение Галка. – Прощла и не поздоровалась?

– Да нет, её... нашли недели две назад. В районе Топкапы, у развалин древних византийских стен...

– Что, сильно избили? – ужаснулась Галина. Выражение её лица резко изменилось, в глазах читалась неподдельная боль.

– Убили, – упавшим голосом ответила одна из девушек.

Все сочувственно посмотрели на Галю, но та только нахмурила брови, не проронив ни слезинки.

– Мечтала денег заработать и вернуться домой... в Казань. По маме скучала, по младшей сестрёнке, – дрогнувшим голосом проговорила она.

– Сколько лет она уже в Стамбуле? Была...

– Кто бы их считал... Она где-то через месяц после меня появилась, – попыталась вспомнить Галя. – Мы тогда языка совсем не знали, а в Лалели все по-русски говорят...

– Ой, да тут везде можно родную речь услышать! – возразила Оля Большая. – В любом районе!

– Это ты сейчас знаешь, да и по-турецки можешь хоть несколько слов сказать. А сама-то где начинала?

– Тоже там, – согласилась девушка.

– Печально, – попытожила Люси. – Ну, хорош депрессию напускать! Неизвестно, что нас завтра ждёт...

¹³ Лалели или Лалейли (Laleli) – популярный у русскоговорящих туристов микрорайон в центре Стамбула, который называют «русским Стамбулом». Территориально относится к району Фатих.

- Вы все здесь... собираетесь? – робко спросила Саша.
- «Все»? Да ты что! – засмеялась Люси. – Нас «всех», работающих в Стамбуле, сейчас около двух сотен, – сообщила она. – Было больше...
- Всего? И откуда статистика? – спросила Саша.
- Не «всего», а только русских. Здесь из любого уголка мира контингент имеется! Даже африканки есть. Откуда известно? Много вопросов задаёшь, малютка, – усмехнулась старшая из присутствующих.
- Ну, не хочешь, не говори, – ответила Саша.
- На воле – двести, за решёткой – около сотни русских баб прозябают. Правда, кое-кто говорит, что больше, – продолжила Люси. – В курсе, наверное, что в бывшей столице православного мира, славном граде Константинополе, а ныне – в прекрасном городе Стамбуле, имеются и тюрьмы. Для женщин, для иностранцев и даже для детей.
- Люси, ты что-то перебрала сегодня! – одёрнула захмелевшую соседку Оля Большая. – К чему новенькую пугать?
- А закончится срок – будут депортированы из этой благодатной страны, – проигнорировала замечание Люси. – Как тебе такая перспективка?
- Я бы с удовольствием домой. Только без тюрьмы. Когда-то же это должно... как-нибудь закончиться, – выразила надежду Александра.
- Это о-очень хороший исход! – продолжала разглагольствовать подвыпившая путана. – А знаешь, сколько наших тут на тот свет отправились? Не знаешь? Страшно сказать!
- Ну, Люси, додегустировалась! – заметила Оля Большая. – Я говорила: «Давайте сорта три попробуем, и хватит!» Так ведь и спиться можно...
- ...Обратно шли пешком по Галатскому мосту, вдыхая ароматы вечернего Босфора.
- Вы такие дружные здесь! Собираетесь, обнимаетесь при встрече, как лучшие подруги...
- Что-о? – засмеялась Галка. – Это мы-то – «дружные»? Да не верь ты! Это же лицемерие сплошное! Так... обычай... «чмоки-чмоки в обе щёки»...
- Да? А выглядело как будто искренне.
- Ага! «Искренне»... Чьи-то трагедии, как сплетни, обсуждаем... Янка вон... в земле сырой, а эти... сказали и забыли! И тут же смеются... «Хорош депрессию напускать»... И каждая думает: «Слава Аллаху, что не я! И только бы не я следующая!» Да и я не лучше...
- А по-моему, ты чуть не заплакала, когда говорили о смерти твоей знакомой.
- Всё заплакано давно, – призналась Галка. – У нас, конечно, много общего, и, если разобраться, неплохие все, в принципе, девки... чисто по-человечески, понимаешь?
- Да...
- А ты обратила внимание на Лику?
- Александра не могла вспомнить, кто такая Лика. Стало немного стыдно.
- Ну, такая худенькая, тихая. Жмётся всё время в уголке, как будто спрятаться хочет... в голубой кофточке.
- А-а, – Александра с трудом вспомнила эту неразговорчивую девушку.
- С полгода, как к нашей компании прибилась. Детдомовская, откуда-то из-под Челябинска. У них в интернате такое творилось! Директриса почти в открытую девчонками торговала. Представляешь? Клиенты постоянные были, да не простые, а высокое начальство, важные персоны.
- Ничего себе!
- После выпускного сразу продали её и ещё нескольких. Оформили всё так, будто какой-то фонд лучшим выпускницам путешествие в Турцию дарит за успешное окончание средней школы. Провожатого приставили, якобы для охраны, чтобы никто не обидел. А это уже здешний сутенёр был. Вот, стоит теперь на улице сиротка...
- И что, до сих пор та директриса в интернате... трудится? – ужаснулась Александра.

– Откуда я знаю! Да и что с такой будет? Всё там у неё схвачено... шито-крыто. Мразь! Растит молодое поколение... И что теперь этой девочке делать? Она по-другому жить не умеет!

– А ты умеешь?

– Обидеть хочешь?

– Нет...

– И не старайся! Я попала сюда от отчаяния... ну, и по глупости, конечно. А её... воспитывали для этого. С детства. Ты разницу понимаешь? Она другого обращения не видела. Так и пропадёт!

– Страшно...

– Вот именно. Её Оля Большая «под крыло» взяла. У них один сутенёр.

– Ну вот, видишь! Всё-таки и добрые отношения бывают в вашей среде.

– Иногда – да. Но в глубине души мы все ненавидим друг друга.

– Да за что? У всех же судьбы исковерканы! Что вам делить?

– «Вам»? А ты как бы уже и не с нами! Ну, ты глупая! «Что делить»... Не «за что», а потому что проституция – это конкурентный бизнес!

– Да какой «бизнес»?

– Суровый! Но ты права. «Бизнес» – для сутенёров. А для нас – способ выживания. И каждая хочет заработать. Уличные ненавидят тех, кто в отелях работает, потому что бабла больше, да и безопаснее. Отельные – тех, кто в шикарных салонах. Завидуют!

– А я никого не ненавижу, и не осуждаю даже...

– Что не осуждаешь – правильно. Тут все и правда несчастные. Да и мы с тобой – тоже...

Но запомни: никакой дружбы здесь не бывает! Тебе никто не поможет. Если вдруг полиция заметёт, или гадость какую подхватишь, на улице окажешься. А там ни от кого защиты не жди. Я в от, грешна, тоже руку помощи не протянула год назад старой знакомой. Лариска искала меня, звонила... А я пряталась от неё, потому что не хотела Кызылая просить за ВИЧ-инфицированную... Да он бы и не стал связываться...

– Жуть! Всё! Я хочу домой! С меня хватит этих страшилок!

– Тю-у! Да ты настоящих ужасов ещё не видела!

– Всё равно. Я уеду скоро...

– Мечтательница... Отработай долг, потом Каракюрт тебя, может быть, и отпустит... если очень постараться. Или беги! Но только не сейчас, а то он меня оштрафует, – усмехнулась Галя. – Но тогда тебе – прямая дорога в тюрьму, где жить придётся в одной камере вместе с какими-нибудь туберкулёзниками, или похуже... в ожидании депортации. Только кто поручится, что дождёшься? Так вот, подруга...

– А ты откуда знаешь про тюрьму?

– Да прямо «оттуда»... Так что, чем тюрьма – лучше сразу смерть! Да и, по-любому, свобода слаще! Даже такая, как у нас... Гуляем вот с тобой, на Босфор любуемся, в кафешках сидим, сладостями балуемся. А что будет завтра – неизвестно...

Вернулись в отель далеко за полночь.

Средних лет турчанка на ресепшене, сонно потягиваясь, посмотрела на вошедших не то оценивающе, не то осуждающе.

– Не обращай внимания, – сказала Галка, поймав смущённый взгляд Саши. – Она, в принципе, нормальная тётка. Правда, как и все местные бабы, жутко ненавидит русских проституток.

– За мужей бояться, что ли?

– Типа того. Вслед шипят: «**Allah onu kahretsin**¹⁴!» Это чуть ли не первая фраза, которую я запомнила по-турецки, – усмехнулась Галина. Её усмешка уже не выглядела такой беззаботной, как в начале дня. – Случается, что и поколачивают наших...

Саше не хотелось оставаться одной на новом месте. Её номер, казалось, таил мрачные секреты и неведомые опасности. На душе «кошки скребли» от неизвестности.

– Пойдём ко мне, кофейку попью, – пригласила она соседку.

Включила электрочайник, достала из миниатюрного буфета маленькие, как будто игрушечные, чашечки, на которые обратила внимание ещё утром, всыпала в каждую по ложке растворимого кофе из банки, стоящей тут же, залила кипятком.

– У меня турка есть. И хороший кофе. Хочешь, угощу тебя? – предложила Галка.

– Да ладно уж, давай сегодня такого попью. Потом угостишь...

Девушки распаковали купленные в городе сладости, уселись поудобнее за низким столиком и долго ещё болтали о том о сём, не желая расходиться...

Проводив новую знакомую, Александра принялась обдумывать всё, о чём узнала, и своё незавидное положение. Страх перед завтрашним днём не давал ей успокоиться.

«Галка сказала, что Каракюрт добрый человек. Неужели не удастся с ним договориться? – рассуждала она. – Если он действительно не злой, тем более – верующий, то должен меня понять. Может быть, найдёт мне какую-то другую работу», – тешила себя надеждой девушка.

...Рано утром Галка постучалась в дверь.

– Саш, вставай! Снова гулять идём! – радостно сообщила соседка. – Санитарный день объявили... и ещё там... что-то.

– Что это значит? – не поняла Александра.

– Обычно так бывает, когда хозяина предупреждают о полицейском рейде. Мы даже ночевать сегодня будем в другом отеле.

Александрю охватила радость, как будто вынужденная отсрочка могла серьёзно изменить её жизнь.

– Здорово!

– Собирайся быстрее! Куда отправимся?

– А давай опять на Босфор! – предложила Саша.

Завтракали печёными мидиями в одном из уличных кафе рядом с причалом. Неподалёку кормила чаек остатками батона стройная девушка. Её волнистые волосы красиво развевались на ветру.

– О, это же Лолка, – Галка заметила знакомую, – стриптизёрша, – сообщила она Александру.

– Привет, Галка! – поздоровалась девушка, оглянувшись. – Гуляешь?

– Да, новенькую вот выгуливаю...

– А-а... Ну-ну. Инструктируешь? – понимающе улыбнулась собеседница.

– А вы... где работаете? – спросила Александра.

– В одном ночном клубе, – с улыбкой ответила Лола. – Галка знает...

– И как там? Вас на улицу выпускают?

Лолка непонимающе взглянула на Галю.

– Не обращай внимания! – сказала та. – Сашка у нас дикая! Взапёрти жила.

– Нормально, в общем... выпускают, конечно, – проговорила стриптизёрша.

– А ты откуда? – Саша и сама не заметила, как перешла на «ты».

– Екатеринбург... У нас в клубе девчонки есть из разных городов.

– Ты здесь давно?

– Почти два года...

¹⁴ Да проклянет её Аллах (тур.)

– А как сюда попала?

– Да... как все, наверное – по объявлению в сети... через Москву.

Галина молча наблюдала за беседой.

– Ну и как тебе... работается?

– Ты это о чём? – не поняла Лола. – О том, как я танцую полуголая у шеста?

– Вы там только танцуете, или ещё... – Александра не могла задать вопрос, который её интересовал больше всего, – проституцией не заставляют заниматься? – наконец, слетели с её языка нужные слова.

– Ну, в принципе... посетитель имеет право купить понравившуюся девушку... на какое-то время. Если она не против. А так, чтобы кто-то принуждал – у нас подобное не практикуется. Там по-другому... Это называется «консумация». Ты сидишь за столиком с клиентом... ну, и раскручиваешь его на дорогие угощения и напитки. Для этого специально девушки есть. Нас, в теории, тоже может кто-то за столик пригласить, но уезжать куда-то с клиентом или нет – это по желанию. Никто насильно не заставит. Платят тем, кто соглашается, конечно, по другим расценкам, но я таким не занимаюсь...

– А если приставать всё-таки начнут? – не унималась Александра.

– На то охрана имеется! Парни работают чётко. Если сама не захочешь, никто к тебе даже не притронется.

– Слушай, а как бы к вам попасть? – загорелась Саша. – Там, где я работала... ну, в общем, – махнула рукой она.

– Ясно, – поняла Лола.

– Так как бы поговорить... насчёт меня? А?

– Даже не знаю... У тебя с визой – всё нормально?

– Нет...

– Нам при выезде из России рабочие визы оформляли, – сообщила Лола. – Правда, не в стриптиз-клуб. Я по договору – служащая отеля. С документами у всех полный порядок.

– Хозяин хороший?

– У нас хозяйка. Сара. Сносная тётка.

– А зарплата – как?

– На первых порах – пятьсот долларов, потом постепенно повышали. Сейчас – штука зелёных в месяц. Ну, и чаевые... за выступления. Те, кто консумацией подрабатывает – побогаче живут, но... ты же понимаешь, не всем это нравится. Мы сюда танцевать ехали...

– И ты сразу в этот клуб попала?

– Почти. Сначала встретил нас мрачный такой мужик в аэропорту, привёз в какое-то облезлое помещение. Ну, мы с девчонками подумали, что в бордель попали! Испугали-ись! Таких случаев же – пруд пруди! – Лола засмеялась, обнажив красивые ровные зубки. – А потом пришла Сара, повела всех в зал. Решила посмотреть, кто на что способен. Танцевали мы до упаду, до синяков и растяжек... Не всех хозяйка приняла к себе, а меня – заметила. Поселила в отеле – недорого, но приличном, неподалёку от клуба. Выдала аванс. Паспорт, правда, сначала отобрала, но через два месяца вернула... Ну, и пошло-поехало. Трудно было на первых порах. Попробуй-ка у шеста...

– Знаю... я тоже танцевала. У Мехмеда. Слышала?

– Ага. Крутой вроде клуб. Но там, говорят, непрофессиональные танцовщицы работают. Ваша дама, как её... Эльза, кажется, знакома с нашей хозяйкой...

– А долг на вас навешивают?

– Долг? Это за дорогу и за услуги посредника, который нас привёз? Ну, – Лола призадумалась, – четыре месяца я отработывала... или чуть дольше, не помню уже... А после – ничего такого...

– И сколько в вашем клубе девушек? – продолжала расспросы Александра, ухватившись за идею попасть в стриптиз-клуб, где танцовщицы выполняют только свою непосредственную работу.

– Русских несколько: из Самары, из Питера, из Хабаровска, одна москвичка. Ещё есть девчонки из Украины, парочка латышек, молдаванка... Всего около двадцати танцовщиц. Я всех и не знаю: мы живём в разных местах, работаем тоже в разное время. У каждой – свой номер для сцены. Изредка, правда, все вместе выступаем – когда устраиваются крупные шоу. Иногда – гастролируем по курортным городам. Но не все сразу...

– А что дальше?

– В смысле – «дальше»?

– Ну... не до старости же ты будешь танцевать?

– А-а... Пока танцую, пока нравится. Да и Сара мною довольна. Денег ещё подкоплю и начну другую жизнь! В университет хочу поступить. Потом – замуж выйду, наверное. Как все...

– Хозяйка отпустит?

– Почему нет? В этом году от нас ушла одна – мужа нашла. Кто же насильно будет держать? Сара даже рада за девчонок, когда пристраиваются.

– И в какой университет планируешь? В России?

– Нет, в Стамбульский... На изобразительное искусство... Я когда-то в художественной школе училась. Правда, по этой части не пошла, среднее хореографическое окончила... с отличием. И акробатикой занималась – пригодилось. Посетители любят такие фишки!

– Именно в Стамбуле? Домой не хочешь?

– Нет, я Стамбул люблю! Мне здесь нравится. Турецкий язык учу...

– А родители?

– С ними всё нормально. Я им деньги регулярно высылаю, пока могу. Правда, они не знают, что я танцую стриптиз. Думают, что просто восточные танцы... в ансамбле.

– Так, может быть, ты всё-таки поговоришь насчёт меня с хозяйкой?

– А опыт у тебя какой? Долго танцевала?

– Три года. И я тоже не хочу... консулацией заниматься, – предупредила Александра. – Может быть, ты меня сейчас и отведёшь? Зачем тянуть?

– Образование танцевальное есть?

– Нет... Так поговоришь?

– Ну-у, поговорю, – уклончиво ответила Лола. – Но я ничего обещать не могу. Если Сара согласится, тогда придёшь. Телефон мой Галка знает, свяжемся.

– Ага, – скептически промычала Галина.

– Ладно, девочки, пойду я. Мне к выступлению готовиться пора.

В мыслях Александры снова мелькнула едва различимая надежда.

– Всё за всех решила? – спросила Галка, когда силуэт Лолы затерялся в толпе прохожих.

– Я просто спросила...

– У Каракюрта надо было сначала спросить, – напомнила Галя. – У Лолкиной хозяйки всё чин чинарём. Девчонки по договору работают... по найму.

– По фиктивному договору! – возразила Саша.

– Ничегошеньки подобного! По самому настоящему! – возразила Галка.

– Слышала, она оформлена служащей в отель?

– Ну и что? Это не ахти какое нарушение. А с тобой проблем не оберёшься!

– Она обещала спросить.

– Мне жаль тебя разочаровывать, но... я же тебя предупреждала: «Никто ни за кого здесь не просит!»

– А что, там тоже конкуренция?

– Святая простота! С нелегалками вообще никто из приличного клуба связываться не будет...

Ночевать сегодня предстояло в другом отеле Каракюрта – как сообщила Галина – в «допотопном двухэтажном здании», недалеко от Египетского базара.

– Сейчас по рядам пройдемся, купим всякой вкуснотищи! – предвкушала она.

– И где же базар? Здесь одни дома, – рассеянно спросила Саша.

– Да вот же! С флажками здание – это и есть Египетский базар! А ты думала, что знаменитый рынок – это развалы на дощатых столах да на деревянных ящиках? – рассмеялась Галка. Она сегодня, похоже, по-настоящему радовалась жизни, без грусти и философских размышлений.

– Да, думала, что под открытым небом...

– Мы сегодня такую вкусноту с тобой приготовим! Ты в жизни ничего подобного не пробовала!

Галя свободно общалась с продавцами по-турецки, шутила с ними, весело торговалась.

«Как будто местная! Я по-турецки практически не знаю ничего, – посетовала Александра, – а ведь может пригодиться!»

В «другой отель» пришли с полными пакетами благоухающих фруктов, овощей и душистой зелени. Это было старое двухэтажное здание с мансардой, явно нуждающееся в ремонте.

Поднимаясь по хлипкой деревянной лестнице, встретили полную женщину в длинном платье с покрытой головой. Она сдержанно ответила на приветствие и окинула Сашу строгим взглядом.

Александра недоумённо посмотрела на соседку.

– Это она от Руфинки идёт, – пояснила Галка. – Руфка не у Каракюрта работает, а у одного его приятеля. Неподалёку здесь. А это её сиделка прошла. Бедняге недавно досталось крепко... по всем «фронтам», можно сказать...

– Как это? – не поняла Саша, входя вслед за новой подругой в маленький номер на втором этаже.

– И морально, и физически, – ответила та.

В небольшой комнате имелось место для приготовления пищи – в России это называют кухней-нишей. Электрическая плитка, миниатюрный разделочный стол и раковина – в углублении стены. Всё это закрывалось пластиковой шторой с потёртым изображением вида на Босфор. Обои давно выщвели и кое-где отклеились от стен, кафельная плитка в кухонном уголке местами потрескалась и отлетела.

– Мы иногда здесь до трёх дней переживаем, – сообщила Галя, – когда крупные полицейские операции проводятся. Правда, это бывает не так уж часто. Здесь, конечно, не так комфортно, как в нашем отеле, но пару дней потерпеть можно. Душ лучше не принимать – только намучаешься! Вода не течёт, а капает...

– Так почему же Каракюрт ремонт здесь не сделает?

– Он объясняет, что дешевле новый дом построить, чем такую рухлядь ремонтировать. В общем, от этого отеля у него одни убытки. И второй такой же есть неподалёку, но там совсем разруха... Но бросать не хочет: говорит, что его дед начинал здесь семейный бизнес. Тогда всё было вполне на уровне.

– Тоже сутенёром был? – усмехнулась Саша.

– Нет, вроде... только отели. Хотя я точно не знаю.

– А что Руфинка? – напомнила Саша.

– Она в клиента влюбилась... в одного студентика. Чтобы ты знала: для таких, как мы, это гибель! Нельзя ничего подобного себе позволять. Никаких чувств! Нам платят за услуги, а не за эмоции и страдания, – «старожилка» наставляла «новенькую», что называется, на живом

примере. – Парень тоже, видно, влюбился, потому что подарков не жалел. Сынок богатых родителей...

– Надо же...

– Руфа такая счастливая ходила в последнее время! Как с ума сошла. А две недели назад объявила хозяину, что скоро выйдет замуж. Он, конечно, убеждал её, как мог... Ну, не бывает такого! А она-то, оказывается, забеременела! И парню своему призналась. Он вроде бы обрадовался сначала, обещал забрать её... Ну, и... с добрыми намерениями рассказал всё предкам. Ты представляешь, чтобы турецкий пай-мальчик в родительский дом привёл русскую проститутку?

– А посещать проститутку «турецкому пай-мальчику» можно? Это – обычное дело в мусульманской стране? – поинтересовалась Александра.

– Турция давно уже светская страна! Не мусульманская. Не знала?

– Ну, слышала что-то...

– Эх ты, темнота! Здесь ведь тоже революция была! У них Атапюрк, как у нас Ленин. Многожёнству – нет! Паранджу – долой! И многое другое... Мусульман настоящих, правда, здесь и сейчас много. Но... что у них запрещено, а что – в порядке вещей – это тёмное дело! Всё перепутано, и для общественного мнения – одно, а для своего удовольствия – другое. Нам не понять... У них по Корану воздержание принято. А к проституткам ходить – и вовсе большой грех! Только почему-то русские девушки здесь в цене в любое время года! И даже в рамадан!

– А это что?

– Да это... пост мусульманский, в общем...

– Ну, дела...

Вместе суетились на «кухне». Саша мыла и чистила овощи, готовила мясной фарш, мелко резала пахучую зелень. Галя выполняла более ответственную работу: колдовала над приготовлением блюда. Она с явным удовольствием бланшировала в кипящей воде баклажаны, жарила в оливковом масле лук, потом выложила туда же фарш.

– В Турции мужчина обычно женится лет этак в тридцать пять, а то и в сорок, когда достигает положения в обществе и достатка, чтобы содержать семью, – между делом рассказывала Галка. – А до этого – пользуется нашими услугами! Да и от жён турки гуляют – только так. Особенно – от мусульманок. Потому что женщинам, воспитанным по законам Шариата, с детства внушают, что удовлетворение сексуальных потребностей – это грех! А от зова природы куда денешься? Бегут к нам. Проститутка для местных мужиков – это вещь, взятая напрокат.

– Фу-у...

– Ты как с Луны свалилась!

– С шеста, – уточнила Александра.

– Да какая разница! Ну, а к вещи относятся – сама знаешь как... Бывают случаи, что девчонок избивают или из окон выбрасывают. И даже полиция на убийство русской проститутки не особо реагирует...

– А Руфина...

– Её нашли недалеко от отеля... избитую. Без сознания. Вся в крови, одежда порвана.

Думали, умрёт.

– Кто же её так?

– Ясно, кто! Родители того парня и подослали кого-то... А может, и он сам... Такое здесь не редкость...

– Ужас!

– Да уж, ничего хорошего... Карताल, хозяин её, попросил Каракюрта спрятать её у себя. Оба боятся, что об этом случае узнают в полиции.

– А что бояться, если у Каракюрта там знакомства есть?

– Ну, не все же продажные! Если о таких делах станет известно... «правильной полиции», то могут быть серьёзные неприятности. И нам тоже не поздоровится... Из-за неё, думаю, всё это сейчас и закрутилось. Кто-то где-то проболтался. Или родственники того парнишки замутили всё. Вот по всей округе и проводятся внеплановые рейды. А, ну их! У нас зато снова выходной!

– Откуда эта пожилая женщина в длинной одежде? Из больницы?

– Это Чилек-абла. Родственница Карталья из провинции. Медсестра. Он её вызвал за Руфинкой ухаживать. Только ребёнок она потеряла. Но, может, это и к лучшему...

– Бедняжка, – посочувствовала Александра. – Вот уж действительно... «по всем фронтам»...

– Такое здесь не редкость, – заметила Галина.

– А сутенёр теперь её не отпустит?

– Не выгонит ли, ты хочешь спросить? Не знаю. По всему видно, Карталь к Руфинке хорошо относится. Она года четыре здесь. Красавица, спрос приличный имеет. В принципе, она все свои долги уже отработала, как и я. Только вот идти некуда!

– Ты тоже красивая, – сказала Саша, невольно залюбовавшись голубыми с поволокой глазами Галины, пушистыми ресницами, чёткой линией пухлых губ, её загадочной усмешкой, за которой пряталась грусть. – Могла бы...

– Да все мы тут... ничего, – перебила Галка. – И ни к чему рассуждать о том, как сложилась бы жизнь, «если бы да кабы». Только Аллах знает...

– Галя, ну почему всё-таки Аллах?

– А он отсюда ближе, – светло, как-то даже по-детски улыбнулась девушка. – И... может быть, я вообще в мусульманки скоро подамся...

– Но зачем? Ты в курсе, что, по мусульманским представлениям, женщина, как собака, не имеет души? Ей даже рая по «уставу» не положено!

– Да? Надо уточнить у Каракюрта...

– Уточняй! Для чего тебе какой-то Аллах, мы же русские! – настаивала Саша. – У нас Господь! Ему надо молиться, чтобы помог нам выбраться отсюда! Тем более, что в Стамбуле... то есть, в Константинополе, был когда-то центр православного мира. Так что... сам Господь велел нам к Нему обращаться за помощью. Здесь же истоки православия!

– Хорошо, пусть Господь, – не стала спорить Галка. – Только не надо к нему с несбыточными просьбами приставать. Лучше попроси, чтобы нормальный клиент тебе завтра попался... не извращенец какой-нибудь и не садист...

Сашу передёрнуло.

Она поглядывала на Гаю и удивлялась тому, как та преобразилась. Сейчас это была совершенно счастливая девушка, как многие, с упоением хлопотавшие на маленьких кухоньках в родной России.

Хорошенький носик Галки покрылся испариной, выбившиеся лёгкие прядки закрутились колечками на висках.

– Та-ак, поперчила, специи всыпала... Теперь натру внутри смесью пряностей... Давай фарш! Помогай заполнять! Я – баклажаны, ты – перец.

Александра молча выполняла команды. Наконец фаршированные овощи были рядками сложены в кастрюлю.

– Всё! Сейчас бардачка три воды сверху, и – на медленный огонь! – эти слова прозвучали как «Жизнь прекрасна!» – Нет, пожалуй, три – мало...

– «Бардачка»? – не поняла Саша.

– Бардак – это вот такой турецкий стаканчик-тюльпанчик, – объяснила Галя. – Не знала? Ну, ты как будто и не жила в Турции...

Закатили целый пир. Пригласили ещё двух девушек, которые пережидали полицейский рейд в соседнем номере, передали угощение для Руфины и её сиделки.

Поужинав, вдвоём до глубокой ночи пили чай со сладостями у телевизора, беспрестанно переключая каналы. В суть передач и фильмов не вникали, просто смотрели то на экран, то за окно, а сами говорили, говорили, говорили...

По некоторым высказываниям и суждениям новой знакомой, по её задумчивому взгляду и тоске, которая то и дело затуманивала взгляд, Александра сделала вывод, что девушка уже не надеется изменить свою жизнь.

– Галя, неужели тебе не хочется всё бросить, уехать домой и жить, как все люди? – спросила вдруг Саша.

– На три копейки, за которые месяц пахать? – усмехнулась Галина.

– Ну, можно же как-то постараться...

– Мечтать вредно! – отрезала девушка. – Я же тебе говорила! Хотя, – промолвила она, немного помолчав, – иногда находит что-то такое... мысли о настоящей любви, о детях – маленьких таких носиках-курносиках... Кухня, запах ванильного печенья из духовки... Как в детстве, когда мама была жива. Но... надо уметь вовремя остановиться!

– Так что мешает?

– Смешная! Мы же как в омуте... не выбраться...

* * *

Юрий и Надежда провели вместе несколько счастливых, незабываемых дней и ночей, строя планы на будущее. Она ждала его со службы, готовила к его приходу что-нибудь вкусное, а он спешил к ней, забывая обо всём на свете.

Они так радовались друг другу и окружающему миру, что самые простые вещи могли вызвать у них неописуемый восторг. Разноцветные кубики овощей и яркая зелень в окрошке, которую вместе готовили, манты в прозрачной пароварке – первом совместном приобретении, сделанном в ближайшем гипермаркете, сочетание цветов в клумбе, мимо которой они обязательно проходили, отправляясь на вечернюю прогулку...

Тёплый комочек счастья прочно поселился в груди Надежды, постоянно согревал её, радостно трепыхался при каждом взгляде Юрия, при каждом его прикосновении.

«Такая острота чувств не может, наверное, сохраниться надолго, – подумала в один из этих дней Надя, – но какое же это необыкновенное состояние, когда человек счастлив!»

Наконец Юрию удалось выкроить время среди дня, и влюблённые отправились подавать заявление в ЗАГС. Но выражения их лиц резко изменились, когда приветливая служащая вежливо попросила предъявить набор документов: оказалось, что у Надежды не хватает одной важной бумажки – свидетельства о расторжении второго брака. Заявление у них, естественно, не приняли.

– Надюша, а... как же так? Развод-то был? – недоумённо поинтересовался заметно расстроенный Юрий.

– Был, конечно, я просто паспорт уже меняла после этого... два раза, – ответила Надежда.

– А кто он?

– Хороший человек... капитан дальнего плавания.

– А если хороший...

– ...то – почему разошлись? – перебила Надя.

– И – почему?

– Потому что... без любви даже с хорошим человеком жить невозможно.

– А зачем надо было замуж выходить, если без любви?

– Юра, ну что за допрос? – возмутилась Надежда. – Я тебя спрашиваю про твою Татьяну?

- Не спрашиваешь?
- А ты, кстати, по любви на ней женился?
- Ну вот! Интересуешься?
- Вроде того...
- Сейчас уже не помню, – спокойно ответил Юрий, – а тогда... не успел об этом подумать даже... ладно?.. Как-то быстро всё произошло.
- Как это – «не помню»? – удивилась Надя.
- Может быть, там и нечего помнить...
- А я тогда всё понимала, но искренне надеялась, что смогу полюбить...
- И что за неволя была, если понимала?
- А у тебя «что за неволя была», раз и подумать некогда было? – уточнила Надежда.
- Разные ситуации...
- А, ну да! Про ситуации я уже слышала...
- Надюш, ну ты сердисься, что ли? Не отвечай, если не хочешь...
- Ну почему же... Плохо мне было. Я тогда год как сына похоронила.
- Что? Миленькая, а я и не знал про сына! Прости, – он обнял её, как будто хотел оградить от тяжёлых воспоминаний. Она-то знала, что от этого её никто и ничто оградить не может... даже Юрий.
- Ничего, – ответила Надежда, – я и не забываю об этом никогда.
- А что случилось? – осторожно спросил он.
- Несчастный случай на воде... в детском лагере, – глухо ответила она.
- Он молча смотрел на неё, гладил по волосам.
- Знаешь, а ведь даже не наказали никого... словно так и надо, – поделилась Надежда.
- Как же это? В подобном случае уголовное дело обязательно должно быть возбуждено!
- А вот не было... «возбуждено»... Воспитательница в его отряде была примерной студенткой педагогического колледжа и дочкой начальника школы милиции. Так-то, – подвела итог Надежда и с укоризной посмотрела на Юрия. – Моя милиция бережёт... прежде всего – своих близких!
- Ну, зачем ты... – начал полковник.
- Да ни зачем! – оборвала его Надя. – А ещё... это не точно, но мне говорили, будто тот парнишка, который его толкнул... с этой мерзопакостной тарзанки – сын главного бухгалтера облфинотдела.
- У нас перед законом...
- Ага, все равны! Слышала! Только на самом деле прав тот, у кого больше прав.
- Всякое, конечно, бывает, но...
- Хватит об этом, Юра! Я больше не могу...
- Прости... а я и не знал, Надюша, – повторил он.
- А ты многого обо мне ещё не знаешь. Убежать мне хотелось тогда куда-нибудь на край света... от горя и несправедливости. Спрятаться, отогреться душой, что ли, – продолжила Надежда, – вот и убежала...
- Замуж?
- И не просто замуж, а на Камчатку.
- Далековато! И помогло?
- Нет! От себя не убежишь. Только человека обидела. Бросилась в первые протянутые руки... как с ума сошла!
- И долго ты там жила?
- Полтора года и... всё. Свидетельство о разводе есть, за ним домой надо съездить. Толя – хороший, сцен устраивать, как твоя Татьяна, не будет. Да и далеко он...
- Она не моя.

– Ну, как... «не твоя»...

– Интересно у нас получается! Препятствия какие-то. Будто специально...

– Ты меня подозреваешь, что я... нарочно не взяла свидетельство?

– Не подозреваю, но... Надюша, а ты ещё хочешь за меня замуж-то? А может, сомневаешься... бросаться ли «в протянутые руки»?

– Юра, ты меня уже обижаешь!

– Ну, прости, Надюша, просто мысли разные... Это у меня профессиональное, наверное, – улынулся полковник.

– И ты всегда будешь меня во всём подозревать? – ужаснулась Надежда.

– Ой, буду! Ладно?

...Дома Юрий достал гитару, поправил строй, легонько тронул струны, продолжая удивлять Надю своими талантами.

«Ого, – подумала она, – он ещё и на гитаре мастак! Не удивлюсь, если и вышивать умеет... каким-нибудь крестиком...»

– Как ты здорово смотришься с инструментом! – не удержалась она от комплимента, влюблённо глядя на полковника.

– Да вот, бренчу немного...

После нескольких аккордов Надежда решила, что совсем он не «бренчит», а даже очень прилично играет... с переборами.

*...Мне бы только мельком повидать тебя,
И, клянусь, мне большего не надо...*

– Визбор, – узнала она.

– Он, – подтвердил полковник и продолжил.

Баритон Юрия в песне звучал прекрасно.

«Если бы он стал артистом, это было бы что-то необыкновенное, – предположила женщина. – Но тогда бы я его видела только в кино...»

«...Мне бы только раз прожить с тобой всю жизнь, и, клянусь, мне большего не надо», – закончил полковник, эффектно выдав заключительный аккорд, и отложил гитару в сторону.

– Вот такое «скромное» у меня желание, сударыня, – сказал он. – А ваши необдуманные действия мешают мне его осуществить...

* * *

Саша посмотрела на соседку, которая как раз пыталась задремать.

«Как она иногда похожа на Галку!» – вдруг подумала девушка. Она поймала себя на мысли, что, пожалуй, воспоминания о днях, проведённых с Галей – самые приятные за все годы её пребывания в Турции...

– Всё! Выходные закончились! Каракюрт звонил. Сегодня вечером – работаем, – сообщила Галя, и выражение её лица снова стало наигранно-бесшабашным, натянуто-весёлым. – Осчастливишь нынче какого-нибудь местного страдальца, одаришь любовью и лаской.

Саше стало нехорошо от мысли об этом «местном страдальце», но она промолчала.

– Да не трясись ты! Может, он вполне даже ничего мужик, только ему не хватает женского внимания. Кстати, у Каракюрта почти все нормальные клиенты. Сейчас зайдём в одну лавчонку, купим тебе костюмчик.

– Зачем? – не поняла Саша.

– Ты гостя сегодня в чём встречать будешь?

– Я хочу с хозяином поговорить... может быть, он всё-таки отпустит меня...

– Ага, жди! Да и меня ты в каком свете выставишь? Скажет: «Вот это проинструктировала новенькую!»

Однако Каракюрта на месте не оказалось.

...Клиентом был солидный мужчина лет пятидесяти. Учтивый, представительного вида, он сразу расположил к себе девушку. Александра решила попросить у него помощи, уповая на сочувствие.

– Вы понимаете по-русски? – спросила она.

Тот недоумённо покачал головой, глупо улыбаясь. Конечно, не такого поведения ждал он от путаны. Да и, наверное, выглядела она нелепо: яркий откровенный наряд, который выбрала для неё Галка, явно не сочетался с серьёзным выражением лица и испугом в глазах.

Посетитель жестом указал на постель. Девушка осталась на месте. Он подошёл, рывком привлёк её к себе. Саша попыталась высвободиться, не проявляя особой грубости. Но так не получилось.

В результате первый на новом месте её «клиент» получил пару пощёчин, несколько царапин и с оскорблённым видом покинул номер.

Последствия не заставили себя ждать. Не успела Александра опомниться и подумать о реакции хозяина на её поведение, как открылась дверь, и на пороге появился Каракюрт, собственной персоной. Девушка вздрогнула, вспомнив, как обращались с «непослушными» у Мехмеда. Хозяин же, на удивление, не выглядел рассерженным.

– Что ты? Что ны так тебе? – совершенно спокойно спросил он. – Балэишь?

– Нет, не болею, – ответила она.

– Клыент быть лыцо, ногти царапать, да? Как так, да? – развёл руками Каракюрт. – Добрий чыловэк обыдыла... Как так? Балэишь – скажи. Плохо тебе – скажи, ны будышь работать сыводна. А? А ты – клыент ногти царапат...

– Я хотела поговорить с вами.

– Гавары, – милостиво разрешил он.

– Я работала у Мехмеда... танцовщицей. Я не проститутка, – начала Саша.

– Да, я слышал, ты хороший танца...

– И я не проститутка! – повторила она.

– Это у Мыхмэд рысторан, клуб, танца, да? Здэс толко с клыент. Да? Харашо клыент, танца номыр, да? Это лучше стоит. Болши. Так? Денги харашо будышь. Да?

– Но я не хочу так работать. Отпустите меня, пожалуйста, – взмолилась Александра. – Хотите, я на колени встану перед вами? – она коснулась коленями пола, свела руки перед собой, соединив ладонями. Слёзы слышались в голосе девушки. – Разрешите мне уехать домой. Пожалуйста! Помогите мне! Ради всего святого!

– А-а! – только и сказал хозяин. Подошёл к ней совсем близко. Александра сжалась в ожидании удара. – Встан, встан! Что ты, – он помог ей подняться, усадил на кровать. – Ну что – уехат? А? Савсэм плохо тебе? – спросил он, присаживаясь рядом.

– Я не проститутка, – твердила Саша. – Поймите! Меня заставляли... насильно! Били! И угрожали, что маме сделают плохо... я боялась...

– А-а...

– Отпустите меня!

– Как так? Ны могу. Бызнэс, знаишь, – спокойно, тихим голосом увещевал хозяин. – Я ны богатый чыловэк. Да? У мыня мало бызнэс... Сымыя балшой, кушать надо, знаишь? Дочка замуж надо, да? Этот... свадьба... подарки... *seyiz*¹⁵... как... прыданный, да...

¹⁵ Приданое.

– Я понимаю. У меня есть немного денег, – с этими словами девушка отвернулась и, снимая с себя костюма, распоролла подкладку в чашечках лифчика, доставая припрятанную валюту.

– Вот, – она расправила слежавшиеся бумажки и разложила перед Каракюртом. Хозяин удивлённо посмотрел на деньги, усмехнулся.

– Нэ-эт, – сказал он, – ты болши стоишь.

– Больше? Но у меня нет... это всё...

– Думай, Алыксандра, – мужчина встал с кровати, направился к выходу. – Как далши работать. Ны совсэм плохо здэс. Думай. И я думаю, – открыл дверь и вышел.

Разноцветные купюры остались лежать на атласном покрывале. Девушка собрала их, вернула в тайник.

«О чём думать? Ну, придёт он завтра, а я ему то же самое скажу, – размышляла Александра, вытирая слёзы. – Попрошу, чтобы порекомендовал меня в тот стриптиз-клуб, где Лолка работает, – пришла ей в голову здравая мысль. – Как же я забыла-то?»

– Сашка, ну как ты тут? Как ночка? Клиент щедрый попался? – с порога засыпала вопросами Галка, заглянув утром к соседке. – О, да у тебя бодренький вид! И выспаться удалось? – засмеялась она.

– Удалось, – хмуро ответила Саша.

– Ну а денег-то хорошо отвалил? – не унималась новая подруга.

– А не было ничего. Я его... ударила, ну и...

– Ну, ты даёшь! Прогнала? А Каракюрт знает уже?

– Да. Был... вчера...

– Ругался?

– Нет. Сказал, чтобы думала.

– Он вообще спокойный. И никого здесь ни к чему не принуждают обычно. Хочешь – работай, не хочешь... не знаю. Но такого ещё не было, чтобы кто-то не хотел. Уличные просто мечтают тут оказаться! А ты...

– Да я же тебе говорю, что я не уличная! И никакая! Почему вы все не поймёте-то! – в отчаянии закричала Александра.

– Вона ка-ак! – невесело засмеялась Галка.

– Галя, ты вчера была такая... как в нормальной человеческой жизни... в прежней. А сегодня снова... вроде бы смеёшься, а сама будто в какой-то маске или в панцире. Ненстоящая, в общем!

– В «прежней жизни», говоришь? – спросила Галя, сбросив с лица улыбку. Серьёзно взглянула в глаза собеседнице. – А что ты знаешь про мою эту... «прежнюю жизнь»? А?

– Ты же не рассказываешь!

– Да потому, что ничего хорошего! Когда мама умерла, папка пить стал, собутыльников водил. Мне тогда тринадцать было. Напьётся, бывало, и спать уйдёт к себе, а собутыльники его... меня... того!

– Да ты что!

– Зверьё пьяное! Я из дома пыталась убежать, но... куда бежать-то? На улицу? К знакомым? А чужим людям больно нужны мои проблемы? Накормят, успокоят, да и... отправят обратно домой, к папе. «Он у тебя хороший», – говорят. Я же им не рассказывала, как его друзья со мной...

– А ты говорила, что мачеха...

– Эта стерва позже появилась. Где-то года через два. Папка даже пить перестал, когда с ней познакомился. Я сначала обрадовалась: думала, что кончатся теперь мои мучения. А эта гримза только первое время со мной ласковая была, пока к отцу в доверие втиралась... «Доченька, лапушка», – называла. Фу, гадина! А когда папаша на ней официально женился

и прописал в квартире, так она начала уже свои порядки устанавливать. Я стала для неё не «доченька», а «стерва», не «лапушка», а «шлюха малолетняя»! А он... на коротком поводке у неё... как собачонка. Всё делает, как она скажет.

– Галя, а ты в милицию не заявляла на этих... собутыльников?

– Ты с ума сошла? Позориться! В школе я всегда была среди лучших, а тут... Я вообще никому не говорила, и всё равно мачеха откуда-то узнала. Эти... твари... растрепали, наверное...

– Досталось тебе...

– Ой, вот не надо! – перебила Галина. – Не люблю я этих... сю-сю-сю! Жива, здорова, не бедствую. На Босфор вон люблюсь. А кто-то и мечтать об этом не может! Я, когда на улице стояла, каждый день с жизнью прощалась... на всякий случай. Там разное случается... Но Каракюрт в отель взял. Так что, подруга, хочешь жить – успокойся и смирись. Тогда уцелеешь. А там, глядишь, судьба сюрприз преподнесёт, – при этих словах лицо девушки приняло мечтательное выражение, на губах заиграла улыбка, в глазах засияли искорки. – Аллах любит терпеливых!

«Какая же она красивая, эта Галка», – подумала Саша.

...После завтрака в небольшом ресторанчике гуляли по старинным улочкам. Александра любовалась древними постройками.

– Да ты совсем дикая, Сашка! В такой красоте жила три года, а на улицу не выходила!

– Я ведь уже гуляла здесь... или где-то поблизости... с Денизом. Только это было так давно! Целая жизнь прошла, – и она тоже поделилась своей историей.

– Не грусти, подруга! Аллах даст, прорвёмся! – подбодрила Галя. – Только не будь совсем дурой...

– Опять Аллах...

– Хорошо, Господь! – согласилась девушка. – Только Бог всё равно один. Муса так говорит. Какая разница, как его называть?

– Муса? – не поняла Саша.

– Сейчас зайдём в одну книжную лавочку. Мне её хозяин, Муса, даёт книжки почитать. Давно не была у него. Возьмём что-нибудь.

– А на каком языке книжки-то?

– Всекие есть. Знаешь, зимой в Стамбуле бывает так тоскливо! Холодно, сыро... На улицу не тянет. Сижу, читаю...

– А Муса этот... он кто?

– Сам он уже как бы местный. А вот дед его или прадед – из наших эмигрантов. Дочка у него работает в редакции. Муса русский хорошо знает. И дома у него основной разговорный язык – русский! Он этим очень гордится. Считает, что надо помнить свои корни и детей воспитывать на родном языке.

Небольшая книжная лавочка располагалась в полуподвале старого здания. Её хозяин – невысокого роста мужчина в тубетейке и в стёганой жилетке поверх белоснежной рубашки – вышел навстречу посетительницам с радушной улыбкой и раскинутыми для объятий руками.

– Га-аля! Здравствуй! – радостно поприветствовал он старую знакомую. – Добро пожаловать! Давно не приходила! Ты с подругой?

– Здравствуй, Муса! Это Александра.

– Ах, девушки, девушки! Шестьдесят лет живу, а не перестаю удивляться женской красоте! – сделал комплимент хозяин лавочки.

– Ой, Муса, не смущай Сашку! Она же не знает, что ты так всех посетительниц встречаешь, даже страшных и старых! – засмеялась Галина.

– Как ты можешь! Не говори так, Галина! Женщин страшных не бывает! Все красавицы! – лукаво улыбнулся Муса.

В уютном торговом зале под потолком светились три оконца, в глубине помещения горели разноцветные фонарики. На стеллажах ровными рядами выстроились книги, в промежутках красовались картины с морскими видами и портретами писателей.

– Вот на этих полках выбирайте любые, – сказал хозяин и удалился.

– Почему – только на этих? – спросила Саша.

– Здесь уже не новые книги, люди сдают, – пояснила Галя. – А новые – только если купим. Но нам и старых хватит. Тут такие книжечки можно найти! А если мало будет – во втором зале можно покопаться. Там не такой лоск, но тоже уютно.

Вернулся Муса с чайником. Пригласил посетительниц к маленькому столику-этажерке, стоявшему за перегородкой, где уже поджидала гостей ваза со сладостями. Хозяин разлил чай в стаканчики-бардаки, стоящие на миниатюрных блюдцах.

– Лукум свежий, пахлава, халва... Пробуйте! – предложил он. – А для новой посетительницы у меня подарок! Книжка о Турции на русском языке, – сообщил он, протягивая Саше небольшой томик в цветной обложке. – Издатель – мой хороший знакомый. Снабжает меня новинками.

– Спасибо, – Александру растрогало такое внимание. – Я... мне неудобно.

– Бери, бери, дочка! Почитаешь, будет время...

Муса рассказывал девушкам о турецких чайных церемониях, пытаясь сравнивать их с российскими, удивив Сашу знаниями традиций Родины своих предков. За интересной беседой, изредка прерываемой покупателями, часы пролетели быстро. Саша смотрела на Галину, и вновь выражение её лица казалось ей таким, как у людей в «прежней жизни».

– Пойдём, подруга! Пора возвращаться, – с сожалением сказала Галя.

– Как он тебе? – спросила она Сашу, когда девушки оказались на улице.

– Хороший... добрый, приветливый.

– Вот такой человечиче! – Галка со значением подняла большой палец.

В холле отеля им встретился Каракюрт.

– Ну, пока, Сашка. «Прежняя жизнь» на сегодня окончена, – усмехнулась соседка и поспешила к себе.

Александра подошла к хозяину, намереваясь поговорить о своём будущем.

– Иды, сычас прыду, – сказал он вместо приветствия.

– Думала? – спросил с порога, заходя в номер к своей непокорной подопечной.

– Да.

– Что думала? Как жить?

Александра медлила с ответом, не в состоянии подобрать нужные слова.

– Что? Ны понятно? Я так по-русски? – уточнил он.

– Я поняла. Только... всё-таки не хочу здесь работать.

– Савсэм? – не понял Каракюрт. – Как так, да?

– Проституткой – не хочу! – пояснила девушка. – А вы... могли бы меня порекомендовать в один стриптиз-клуб?

Она рассказала о встрече с Лолой и о своих надеждах относительно клуба, где та трудится.

– Харашо, – согласился Каракюрт. – Договоримся, тогда все будет. Да?

И он отправился к Галке, чтобы узнать номер телефона Лолы.

Александра запрыгала на мягком ковре, не в силах сдерживать радость.

– Помогите мне, Господи, помогите мне, Господи! – повторяла она. – Только бы она согласилась, эта Сара! И тогда... всё будет просто здорово!

Глава 3

Юрий с Надеждой собирались в отпуск. Они планировали провести его в Турции – где-нибудь на берегу тёплого моря, но ещё не решили – какого именно. Только лететь надо было через Стамбул: у полковника остались там дела. Да и проще было совместить командировку за границу с отпуском, чем хлопотать об отдыхе отдельно. Их обоих тянуло в этот город: очень хотелось вновь побывать в уже знакомых местах и посетить хотя бы некоторые из тех, что не успели. Таким образом, служебный повод для посещения города, в который Надежда успела влюбиться, пришёлся весьма кстати. Она сияла!

Предстояло выбрать дальнейший маршрут поездки. Проводив Юрия на службу, Надя удобно устроилась в кресле перед компьютером и начала виртуальное путешествие.

Глаза разбегались при виде многочисленных предложений туристических фирм и красочных снимков прибрежных отелей. Всякий раз, когда она открывала страничку одного из них, ей хотелось отправиться именно туда. Надежда бродила по дебрям Интернета, постепенно теряя от обилия информации способность принимать решения.

– Как же тут можно определиться? – вслух подумала она. – Нет, надо сначала изучить рынок! Хотя... чем больше изучаешь, тем сильнее теряешься. Кто бы мог подумать, что выбор места для отдыха может быть таким трудным делом!

Звонок стационарного телефона отвлек её от размышлений. Рассеянно сняла трубку, понимая, что, если это не Юрий, то, возможно, ей нечего будет ответить – ведь она почти никого из окружения полковника не видела.

– Слушаю, – бодро сказала Надя.

– Здравствуйте! А мне – Юрия! – уверенно произнёс женский голос.

– Он на работе, – ответила Надежда, – а кто звонит?

Она уже, собственно, почти догадалась, с кем говорит.

– Жена!

– Кто? Я не ослышалась?

– Не ослышались!

– И... сколько же у него было жён? – с усмешкой спросила Надежда. – Неужели он не со всеми успел развестись?

– Я первая и единственная, – голос женщины не терял уверенности.

– Мадам, я собственными глазами видела ваше свидетельство о разводе. Стало быть, вы ему больше не жена, – спокойно возразила Надежда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.